

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ОДИНЦОВО

Максим Хорсун

Кремль 2222

Максим Хорсун

Кремль 2222. Одинцово

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хорсун М. Д.

Кремль 2222. Одинцово / М. Д. Хорсун — «АСТ»,
2017 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-104378-0

Долгие годы в одинцовской общине хранили чистоту крови: каждый родившийся здесь мутант подлежал уничтожению или изгнанию. Некогда девушку-полумутанта Мару выставили за ворота поселения. Чтобы выжить, Маре пришлось научиться сражаться, используя свои нечеловеческие способности. Теперь она возвращается в родные края, чтобы поквитаться с теми, кто ее изгнал. Однако осуществить задуманное непросто, ведь Одинцово осаждено войском крымских шайнов – Максут-Хан ведет орду на Москву! Но на помощь девушке идут старые друзья: дружинник Кремля Лан и старый киборг Титан, которые намерены помочь ей восстановить справедливость. Да только удастся ли им это? Ведь впереди их ждет битва, страшнее которой еще не знали эти земли.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104378-0

© Хорсун М. Д., 2017
© АСТ, 2017

Максим Хорсун

Кремль 2222. Одинцово

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

© М. Д. Хорсун, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Стальной паук высотой с двухэтажный дом бежал через Лайковское кладбище в сторону Дубковского леса. Восемь ходовых лап работали безупречно четко и слаженно – как и полагается механизму, управляемому мощным компьютером; однако в их движении наблюдалась еще и грация, говорящая об инстинктах, эволюции, воле и разуме, присущим исключительно живым существам. Четыре лапы-манипулятора паук держал вздетыми к небу, клешневидные захваты на них были открыты. Под брюхом у паука громоздился вместительный короб: он напоминал отвисший кокон, в котором самки вынашивают яйца. Но, к счастью, эти твари не могли размножаться подобно настоящим паукообразным – пока что не могли, – и у короба имелось иное предназначение.

– Шестьсот метров... – проговорил Шестипал, разглядывая биоробота сквозь прорезь прицела противотанкового ружья Дягтерева: этому стволу, как говорят, триста лет в обед, но он все еще служит верой и правдой, как когда-то служил предкам. – Весело бежит. Наверняка, порожняком, – Шестипал сплюнул соломинку, которую до этого держал в уголке рта.

Он занял позицию, распластавшись на груде обломков перед дверным проемом. Тихо шуршал плющ, покрывший живыми маскировочными сетями развалины кладбищенской церкви, мелко дрожала земля, реагируя на поступь биоробота. Испуганно вскрикивали птицы, в чьих генах намертво прописался ужас Последней Войны и последовавшей за ней ядерной зимы, ужас перед новым миром мутантов и Полей Смерти.

– Давай, Пал Палыч, действуй, что ли... – проговорили из полумрака, царящего под дырявым куполом.

Их было пятеро. Шестипал с ПТРД, Серый с «калашом» – это бойцы, Слава и Припой – технари, вооруженные лишь рабочим инструментом. И еще был мальчишка-дурачок Кузя, который вечно на подхвате – принеси-подай, ума у него – меньше, чем у нею, но руки крепкие и сердце доброе. Все – в старой латаной-перелатаной камуфле и в разношенных «берцах». Технари были из гарнизонских жителей – потомки военных, сумевших пережить апокалипсис в убежищах Власихи, люди без отклонений от нормы. Шестипала и Серого изгнали из Одинцово из-за незначительных мутаций; первого – за, соответственно, лишний палец на руках и ногах, а второго – за звериную шерсть на лице и теле, которая начала пробиваться, когда Серый был еще ребенком. Кузя же приبلудился сам, пришел он с востока, возможно – из Москвы.

– Пятьсот метров... – прошептал Шестипал, хотя подозревал, что биоробот класса «Коллектор» вряд ли сможет услышать его с такого расстояния да еще при шуме, который он сам же и производил.

– Палыч! – Серый ощерился и легонько похлопал его по плечу слева.

– Пал Палыч, жги! – Слава прикоснулся к рукаву куртки Шестипала справа.

А суеверный Припой, который вечно боялся сглаза, сидел позади них в обнимку с аккумуляторной дрелью, нахлобучив на грязное лицо большие сварочные очки. Кузя скривил губы, будто собирался что-то сказать, да только так и застыл с открытым ртом, при этом в его пронзительном взгляде читалась такая работа мысли, что, казалось, паренек с маленьким, будто бы вдавленным в голову лицом видит мироздание насквозь, но только не может подобрать верные слова, чтобы поведать остальным об открывшихся ему тайнах бытия.

– Четыреста... – Шестипал поерзал, отпустил рукоять, сжал и разжал кулак, снова пристроил палец на спусковом крючке, прикипел небритой щекой к упору на прикладе.

Бронированный паук обходил развалины по широкой дуге. Бросалась в глаза целеустремленность «Коллектора». Обычно те редкие био, что забредали за МКАД, бродили среди лесов и пустырей, в которые превратились бывшие столичные предместья, с потерянными видами, точно мучительно соображали, каким ветром их сюда занесло. Здесь не было привычных разрушенных улиц, на которых они охотились за двуногой добычей, здесь не было Кремля, к которому, несмотря на сотни лет, прошедшие после войны, они все равно возвращались, в надежде отыскать слабинку в обороне, дабы одержать никому уже не нужную победу для своих уже несуществующих хозяев...

Шестипал задержал дыхание. Казалось, что в стального монстра просто невозможно промахнуться. В то же время в подсознании проклевывалось сомнение, мол, а много ли проку будет от пролежавшего несколько веков в масле ружьишка против многотонной машины? Но прежде, чем сомнение укоренилось и окрепло, Шестипал почувствовал, что его будто кто-то невидимый толкнул под локоть. Палец сам нажал на спусковой крючок. Глаз заметил белый росчерк, который на долю секунды сшил пространство между стрелком и биороботом белым, раскаленным стежком. Хотя, наверное, и росчерк, и толчок под руку были лишь обманом обострившихся до предела чувств, фантомом, сделавшим видимой и осязаемой работу интуиции или в простонародье – чуйки.

Бронебойно-зажигательный заряд со стальным сердечником угодил «Коллектору» чуть ниже плечевого пояса хватательных манипуляторов. Послышался хлопок, и в то же мгновение выверенный ход паучьих лап сбился, биоробот завалился вперед и, продолжая двигаться по инерции, врезался в землю. Сдирая дерн и открывая взору старинные могилы, «Коллектор» перевернулся через «голову» и оказался кверху брюхом. Тонкие ходовые конечности заматались вразнобой в электронной агонии, над перевернутым корпусом тут же собралось облако дыма, а ветер донес до Шестипала запах горелой изоляции.

– Молоток, Палыч! – Серый снова похлопал Шестипала по плечу, на сей раз – от всей души.

– Что-то дымком запахло! – улыбнулся в ответ стрелок, а потом потянулся к пучкам сухого порея у входа в развалины, сорвал длинную травинку и сунул ее в зубы.

Засуетились технари, забросили за спины тяжелые рюкзаки с инструментами. Все понимали, что хоть «Коллектор» еще дрыгается, песенка его спета. Из такого положения ему не встать, а Шестипалу, если понадобится, не сложно будет сделать выстрел милосердия, если понятие «милосердие» применимо к биороботу – безжалостному убийце и людоеду. Сам стрелок уже вытянул из подсумка следующий патрон и деловито, но без суеты, как и полагается профессионалу, перезарядил ПТРД.

– Выдвигаемся, – он встал в полный рост. – Серега, прикрывай нас!

– Есть, – отозвался Серый.

– Ну-ка, братцы, – Шестипал с ружьем наперевес и с соломинкой в зубах шагнул из-под живой сетки переплетенных стеблей плюща на солнцепек. – Бегом-бегом за мной!

Они помчали к перебирающей лапами в воздухе громадине. Впереди – Шестипал, боец, охотник на биороботов. Потом – технари, потом – Кузя. А следом, то и дело озираясь и водя дулом автомата из стороны в сторону, – Серый.

Когда отряд Шестипала подошел к «Коллектору», на испачканные кладбищенской землей лапы био уже садились вороны. Значит, паук мертв на все сто десять процентов. Вообще, био коварны, и были случаи, когда они до последнего момента притворялись безжизненной рухлядью, а потом – хватать!.. Но умных, переживших ядерное лихолетье воронов обмануть не так просто, как людей. Если вороны считают, что робота крышка, значит – крышка.

Рядом с поверженным био терялось ощущение реальности происходящего. Многометровые паучьи лапы нависли над маленьким отрядом, точно ветви кошмарного дерева, перекочевавшего из чьего-то кошмарного сна. На страхолюдной голове блестели, отражая солнце, объективы многочисленных видеокамер. Зазубренные жвала были приоткрыты, и виднелась расположенная за ними «топка» биореактора. Вокруг еще теплого корпуса валялись человеческие кости, которые оказались на поверхности после того, как био вспахал землю.

– У ты кой-кой-кой! – воодушевленно залопотал Кузя, бережно подняв на ладонях почти целый череп.

– Положи, дурак, где взял! – Припой замахнулся, Кузя втянул голову в плечи и отбросил от себя находку, точно мяч. – Не к добру это все... – пробурчал технарь. Он осторожно двинулся вокруг био, стараясь не наступить на костяную мешанину.

– Слушай! Только не начинай, а? – бросил привыкший к причудам напарника Слава. – Как бабка старая!

– Сам ты бабка старая. Чего стоим? Робот сам себя не распотрошит... – Припой забросил рюкзак с инструментами на ту часть био, где голова паука переходила в простреленную головугрудь. Затем он схватился за покрытое заскорузлой грязью плечо хватательного манипулятора и забрался на «Коллектора». Из пробоины дымил, и Припой прокашлялся, обмахиваясь обтянутой перчаткой ладонью.

– Давайте, ребята. Пошустрее там, – для порядка сказал технарям Шестипал, хотя те и без его указок знали, как им действовать.

Шестипал сел на нагретый летним солнцем могильный камень, достал из подсумка трубку и принялся неспешно набивать ее крепким самосадом. На душе у него было светло, и даже вид потревоженных останков предков не омрачал настроения. Конечно, победа над вспомогательным «Коллектором» – не бог весть что, не «Маунтина» он завалил, и даже не «Чинука», но все равно приятно. Одним биомеханическим гадом меньше, этот «Коллектор» мог много лихого натворить, вот клешни у него на манипуляторах – такими проще простого разворотить забор, окружающий территорию общинного поселения Власихи. А в коробе наверняка поместились бы человек десять, которых этот био или сожрал бы сам, или скормил кому-нибудь из нуждающихся в топливе собратьев. В то же время, один подбитый «Коллектор» – это прекрасная сталь для нужд Власихи, это электронные и механические узлы, которые можно применить для восстановления бывшей военной базы. Демонтированные видеокамеры технари приспособят для наблюдения за периметром поселка, сервоприводы и логические модули – для создания автоматизированной охранной системы – роботов-пулеметов, стреляющих во все, что движется по ту сторону забора, само собой – по команде с пульта. Население Власихи – раз-два и обчелся, но очень помогало сохраненное потомками военных оружие и оборудование; маленькая община планировала улучшать и наращивать техническую базу, чтобы бывший гарнизон, в конце концов, превратился в твердыню, вроде Кремля.

Шестипал подумал, чем бы он сейчас занимался, если бы Одинцовская община в свое время не изгнала его. Наверное, окучивал бы репу на грядках. Возможно – охотился бы на диких туров с луком и стрелами. Косил бы сено, рубил дрова, плодил бы детей с чистой кровью. Обязательно с чистой кровью, потому что иные в Одинцовской общине были не нужны.

Но судьба распорядилась иначе, отметив Шестипала незначительной мутацией. До двенадцати лет он жил в Одинцово, и относились к нему там хуже, чем к крысособаке. Его кормили объедками, охапка гнилой соломы была ему постелью. Работать приходилось от рассвета до заката наравне со взрослыми. Причем, с точки зрения местных это было проявлением исключительного гуманизма. Они решили, что лишние мизинцы – не такое уж серьезное отклонение, чтобы сразу отнести новорожденного в лес на растерзание мутировавшему зверю, и позволили Шестипалу чуток подрасти, лишь потом выставили за ворота без припасов и оружия. Впрочем, и на том им спасибо. Шестипал сумел дойти до Власихи, где его приняли, можно ска-

зять, с распростертыми объятиями. Власиха всегда принимала изгоев. Даже слово специальное было придумано для таких, как он, – полумут. Шестипал – полумут, Серый – полумут, Вик – лидер Власихи, прозванный Бродягой, – тоже полумут. Даже Кузя, и тот, наверное, полумут, что, впрочем, не имеет значения.

Шестипал задумчиво постучал мундштуком трубки по ровным крепким зубам, затем затянулся. В глотке засадило. Хорошо! Сегодня – маленькая победа, выстрел поразил цель. Техники взялись за дело. Серый стоял на стреме по другую сторону «Коллектора», густая шерстка полностью скрывала его лицо, только блестели зоркие глаза. Припекало солнышко, бежали по старому кладбищу тени от облаков, шумела роща мутировавших берез.

...Слава и Кузя вскарабкались на голову «Коллектора» и оттуда вместе с Припоем перешли на покатое паучье брюхо. Технари достали ножи и принялись соскабливать с брони грязь, пока лезвия не наткнулись на фальш-панель. Еще несколько минут работы ножами, и стали заметны утопленные в корпус заросшие ржавчиной головки болтов. Припой нацепил прозрачные защитные очки поверх надетых на лоб сварочных и взялся за дрель. После того как удалось высверлить пару болтов с одной стороны фальш-панели, Слава вбил в зазор плоский конец «фомки», Кузя подsunул в образовавшуюся щель свой ломик, и потом они навалились вдвоем, крикнули, ухнули и сдвинули часть обшивки. Под фальш-панелью находился аварийный порт для внешнего обслуживания био инженерами-людьми. Слава утер пот, сунул руку внутрь паука, нашел там рубильник и, скрипя зубами от напряжения, перевел его в другое положение. Под броней загудело, и пластины стального хитина со скрежетом разошлись на стыках, приоткрыв основные узлы для ремонта и техобслуживания. Из-под обшивки густо повалил дым вперемешку с паром.

– Я – за оптикой, – сказал Слава и перепрыгнул с брюха на голову, а затем – на запрокинутую к небу паучью морду. Во время полевого использования «Коллектора» часто выходили из строя видеокамеры, следовательно, для быстрой замены доступ к ним был максимально упрощен. Это же касалось режущего механизма жвал. Через минуту Слава уже весело насвистывал и резал кусачками провода – зрительные нервы поверженного монстра.

Припой высморкался, затем извлек из рюкзака когда-то снятую с дохлого «серва» и переделанную под человеческие руки дисковую пилу по металлу.

– Какой у него разъем? – спросил техник у Кузи.

Парнишка быстро заглянул в аварийный порт.

– Кой-кой! – ответил он и вдел указательный палец правой руки в сомкнутые кольцом большой и указательный пальцы левой.

– Понятно – «папа-мама», – кивнул Припой. – Достань переходник и вруби.

Кузя с готовностью сделал, что от него требовалось. Пилу подключили к заряженным аккумуляторам «Коллектора», благо америкашки предусмотрели для этого в аварийном блоке специальную розетку. Инструмент радостно завизжал, Кузя зажал уши и отошел к коробу, привалился спиной к двустворчатому люку.

Шестипал увидел, как по борту биоробота заструился ручеек золотистых искр. Сейчас Припой срежет пару броневых листов с брюха, откроется доступ в ходовую часть биоробота. Слава тем временем уже складывал в мешок первую пару трофейных видеокамер.

Визг пилы оборвался. Хмуро ругнулся Припой, и тут же послышался возбужденный лепет Кузи:

– Ых! Пыпой! Сава, ых! Кой-кой!

Шестипал, не выпуская трубки из зубов, перехватил ружье поудобнее и прошелся взглядом вдоль линии горизонта. Вроде, все спокойно, как и раньше.

– Пальч! – крикнул сверху Припой. – Тут в коробе, кажется, кто-то живой. Кузя услышал, как в люк стучат.

– Хм... – Шестипал встал с могильного камня, оперся на ружье, как на посох. – Ну, так вскройте и посмотрите. Может, действительно – пассажир.

Слава, стоявший на разведенных броневых листах головы био, закивал, одобряя решение командира.

– Принято, Палыч, – отозвался Припой и принялся разматывать кабель «болгарки», чтоб его хватило до короба. Кузя же замер, прижавшись ухом к люку, и сосредоточенно слушал, пытаясь понять, что происходит внутри контейнера.

– Эй-эй! – из-за кормы биоробота подал голос Серый. – Поосторожнее, мужики! А вдруг там нео? Или еще какая-нибудь зараза?

Серега дело говорил. Действительно, мало ли кого мог прихватить «Коллектор». Для него что человек, что нео, что какой-нибудь иной гад, вроде руконога, – все мясо. Точнее – топливо.

– Обождите, ребята! – Шестипал подошел к голове биоробота, подал ружье стоящему наверху Славе, сам схватился за манипулятор. – Я поднимаюсь к вам.

– Добро, командир! – ответил Припой, прикидывая, как можно сподручнее срезать замки короба.

Шестипал взобрался на голову био, перебежал на брюхо. Вроде и невысоко было, но кладбище просматривалось от и до, лишь разросшийся березняк заслонял от взора Дубковский лес. Даже загадочное мерцание, что появилось над Москвой с неделю назад, было ясно различимо на фоне яркого летнего неба.

Он достал из поясной кобуры ПМ, снял с предохранителя, кивнул Припою.

– Кузя! А ну, в сторону! – прикрикнул на парнишку Слава. Кузя, ссутулившись, юркнул за спину Шестипала.

Снова завизжала пила, запольхали искры. Шестипал ждал, попыхивая трубкой. Слава аккуратно пристроил противотанковое ружье на броню и приготовил «фомку». Серый тоже то и дело поглядывал вверх: как там дела у товарищей.

– Готово! – Припой выключил пилу, стянул с потного лица очки и высморкался. Слава подцепил «фомкой» одну створку люка, Кузя своим ломиком – вторую. Снова поднатужились, крякнули... и створки с протяжным скрипом разошлись.

Шестипал вскинул двумя руками пистолет, Слава замахнулся «фомкой», Припой поднял пилу, готовый включить ее и использовать вместо меча, если из короба на них внезапно выпрыгнет...

Никто не выпрыгнул. Стальная пещера короба была пуста, и лишь возле самого люка неподвижно лежало человеческое тело. Шестипал молча вложил пистолет в кобуру; лежащий показался стрелку маленьким, необычно хрупким. Вряд ли такой сможет доставить неприятности пяти дюжим парням. Подросток, что ли? По плечам лежащего разметались длинные русые волосы. В лучах солнца пряди сияли начищенной медью.

– Палыч, да это же баба! – заключил Слава, опуская «фомку».

– Вот те на... – на миг растерялся Шестипал. – Что с ней? Жива?

– А хрен ее... – Слава отложил инструмент, шагнул в короб и склонился над телом.

– Ых, какая! – выпалил, роняя слюну, Кузя. – Я нашел! Я нашел! – он с гордостью ударил себя ладонью в грудь.

– Да-да, ты услышал, – прогудел Припой. – Кузя, молодец. Кузя ушастый. Только слюни глотать не забывай.

– Кузя молодец! Ых, Кузя молодец! – подхватил дурачок, приплясывая на играющих под ногами стальных листах.

– Палыч, жива девка, – сообщил Слава, прощупав на шее пульс. – Без сознания только.

– Серега, у нас тут выживший, – обратился Шестипал к стоящему на стреме бойцу.

– Да понял уже, – отозвался тот. – Что делать будем?

– Что делать – что делать... доставим в гарнизон, само собой, – ответил Шестипал. На душе у него стало еще светлее, чем прежде. Подбитый био – это уже победа, богатая добыча – вообще замечательно, но все это не идет ни в какое сравнение с осознанием того, что ты спас человеку жизнь. А если этот человек – особа противоположного пола, значит, день точно прожит не зря.

– Она хоть симпатичная? – полюбопытствовал Серый.

Шестипал едва не оступился.

– Сам – ходячий шерстяной носок, а все на симпатичных тянет! – с деланным возмущением проговорил он.

– Она ничего так, Серый! – Слава перевернул лежащую на бок. – Молоденькая! Пацаны, смотрите! – он вытащил из-за пояса пленницы «Коллектора» нож, похожий на большое шило с прямой крестовиной. – Ха! Эта барышня сто пудов умеет за себя постоять!

– Бандитка какая-нибудь, – проворчал Припой. – Или трупоедка.

– А я, между прочим, люблю девушек с характером, – сказал Слава. – Кузя, дай флягу!

Кузя метнулся к рюкзакам. Шестипал и Припой вошли в короб, склонились над находкой, едва не стукнувшись лбами.

Действительно молода – ровесница Шестипала или чуть-чуть старше – и вне всяких сомнений красива. Несмотря на смертельную бледность и засохшую на щеке и губах кровь. Знать бы, от чего она вырубилась... Видимо, неслабо ее покидало по коробу, когда подбитый «Коллектор» пропахал рылом землю и перевернулся. Впрочем, девушка могла получить травму, когда ей пришлось поручкаться с хватательным манипулятором биоробота.

– На кой-кой! – Кузя протянул им флягу.

Слава свинтил крышку, плеснул на застиранный бинт из своего индивидуального пакета и осторожно коснулся черной дорожки на девичьей щеке. И сейчас же растрескавшиеся воспаленные губы разомкнулись, блеснула полоска белых зубов. Распахнулись веки, и взгляд карих, с прозеленью, глаз прожег Шестипала до глубины души. Стрелок невольно отпрянул, в ушах зашумело, на его голову точно опустился глухой шлем, отделивший на несколько долгих секунд сознание от реальности. Ощущения были очень странными: вся жизнь Шестипала промелькнула перед его глазами в виде разрозненных картинок. Он услышал забытые голоса жителей Одинцово, потом мысленно перенесся во Власиху, и снова в его голове зашелестел бесплотный шепот. К счастью, оторопь длилась всего ничего. За это время, кажется, даже никто ничего не произнес; все глядели, выпучив глаза, на очнувшуюся девушку.

– Хочешь воды? – Слава протянул ей флягу.

Девушка проигнорировала предложение, губы ее искривились, и Шестипал обреченно подумал, что сейчас она расплчется.

– Бегите.

Она выдавила из себя это слово с такой мукой, с какой зверь выдергивает зубами из раны стрелу охотника. На ее хорошеньком личике читался нешуточный испуг, что, впрочем, было вполне объяснимо, ведь девка в коробе «Коллектора» раз сто, наверное, попрощалась с жизнью.

Припой и Слава переглянулись.

– Все в порядке, мы тебя спасли, – Шестипал по-прежнему чувствовал себя немного оглушенным, и голос свой он слышал будто со стороны. – Мы не обидим.

– Мы убили био, который тебя заграбастал, – сказал Припой. – Вот, Пал Палыч его подстрелил, – он указал на Шестипала.

– Теперь ты обязана выйти за него замуж, – пошутил Серый, который не смог совладать с любопытством и тоже поднялся на паучье брюхо.

Под носом у девушки заалела свежая кровь, глаза ее закатились, и в этот момент Шестипал почувствовал чужой взгляд. Почувствовал затылком, почувствовал кожей на спине, почув-

ствовал животом, в котором вдруг стало пусто и холодно, точно в нем проделали сквозную дыру.

Шестипал бросил взгляд через плечо скалящегося своей шуточке Серого и увидел, что на кромке роши стоит, отогнув манипулятором ствол березы-мутанта, свежеекрасенный в «хаки» «Маунтин». Из-за ноги «Маунтина» выглядывал робкий «серв», стебельки его светящихся глаз были выдвинуты из корпуса на всю длину. Пока людишки ковырялись в корпусе подбитого «Коллектора», подобно опарышам, оба био смогли скрытно подобраться на расстояние эффективной атаки.

Вороны, до последнего момента сидевшие на лапах «Коллектора», взлетели все разом – тяжело и лениво, оглашая кладбище сердитыми криками.

Да уж, проворонили – так проворонили.

«Не к добру это все...» – всплыли в памяти слова Припоя, напуганного видом выброшенных из могил старых костей. Выходит, прав был технарь.

Шестипал запоздало понял, почему паук-сборщик был таким целеустремленным и не напоминал других био, которых заносило в замкадье неизвестно по какой причине – скорее всего, просто из-за глюков в мозгах. «Коллектор» обслуживал штурмового робота, и теперь хозяин пришел проверить, что случилось с его помощником.

Вообще, био в этих краях – большая редкость. Появлялись они всегда поодиночке, и из Власихи тут же выдвигался отряд охотников, состоящий из бойцов и технарей. Три био в одно время и в одном и том же месте – явление небывалое, исключительное. Никогда на памяти Шестипала здесь такого не случалось. Поэтому дали они маху: он и его люди. Поэтому повисли их жизни на тонком волоске.

– «Маунтин»! – заорал Шестипал, бросаясь к оставленному на броне «Коллектора» ПТРД. – Берегись!

Он пихнул плечом Серого, упал на живот, чуть проехался по паучьему брюху, схватил ружье. Прижал приклад к плечу и почувствовал под собой дрожь корпуса: отряд отреагировал на предупреждение, – люди кинулись искать укрытие.

Из этого положения «Маунтин» был как на ладони. А он сам был как на ладони для «Маунтина». Вопрос лишь в том, кто окажется быстрее и удачливее.

Куда стрелять? У самого мощного робота Последней Войны серьезная броня, продырявить ее не так просто, как обшивку «Коллектора». Не имело смысла даже пытаться пробить грудную пластину. Куда в таком случае? В люк «топки» биореактора? В навешенное на плечи оружие?

Пронзительный, полный боли женский крик ударил по нервам Шестипала.

– Плечо! Плечо!

Ясное дело, что она не пыталась подсказывать, куда целиться. Плечо у нее, что ли, сломано? Главное, чтоб на ногах держалась, может, тогда ей и удастся уйти вместе с ребятами.

– Быстрее! Держись за меня! – это был Слава, и Шестипал представил, как технарь, выпучив глаза, пытается вытащить девицу из короба. Ему помогают Припой и Кузя. А она орет от боли и мало что соображает. Она – балласт, но ребята делают все, что в их силах, потому что всегда поступают по совести, потому что их отряд – один из лучших в общине... хоть они в этот раз и дали маху.

«Маунтин» развернулся к ним левым боком. В контейнере на его плече загудело, завибрировало, потом взвыло, точно «болгарка» технарей.

Метательный диск, фыркнув, рассек воздух. Шестипал почувствовал, как по его макушке прошелся ветерок. Диск влетел в короб и застался внутри, с лязгом рикошета от боковых стенок. Короб превратился в мясорубку, и если в нем кто-то остался, то мало ему не показалось. Шестипал надеялся, что его люди успели унести ноги.

Он выстрелил в ответ. Заряд угодил биороботу чуть выше левого колена. «Маунтин» даже не качнулся, хотя попадание было обозначено ярким снопом искр. Снова высунулся «серв» и укоризненно поглядел на Шестипала, дескать, подбросил, сука, работы.

«Маунтин» повторно изменил положение корпуса, теперь его правый манипулятор с прикрепленной к предплечью аркебузой смотрел широким дулом Шестипалу в лицо, и порох на полке уже полыхал.

Шестипал подумал, мол, вот тут-то его песенке и пушной зверек, но у «Маунтина» что-то пошло не по плану: аркебуза взорвалась, осыпав биоробота дымящимися кусками металла. «Маунтин» удивленно охнул – почти как человек. Био поднес предплечье к объективам камер и внимательно оглядел, оценивая повреждение. Когда он снова переключил внимание на подбитый «Коллектор», Шестипала на паучьем брюхе уже не было. И остальных там не было тоже. Отряд мчал через кладбище к лесу, уводя, а точнее – унося, с собой и пленницу «Коллектора».

Девушка едва-едва могла стоять на ногах, техникам приходилось поддерживать ее с двух сторон. Она постоянно норовила потерять сознание; боль то приводила ее в чувство, то наоборот – отправляла во тьму беспамятства. В конце концов, Слава взвалил девку себе на спину и, невзирая на крики и зубовный скрежет, припустил, что было сил, к сулящей укрытие «зеленке». Девушка, к слову, весила изрядно, невзирая на кажущуюся худобу. Под нехитрой одеждой барышни прощупывались развитые мышцы, которые намекали, что до полученных травм девка была в хорошей физической форме.

...Перезарядить ружье возможности не было, Шестипал бежал, и так отстав от остальных. От автомата Серого проку тоже никакого, ведь для работа серии «А» «калаш» – не опаснее щекотки. Правда, Серый сделал несколько коротких очередей, но в воздух: во Власихе должны были их услышать и объявить тревогу.

«Маунтин» припустил за беглецами. Сначала – медленно, затем – все быстрее и быстрее, точно внутри него переключалась коробка передач. Штурмовой био хромал на простреленную Шестипалом ногу, возможно, лишь это помешало ему догнать людей сразу. А следом за гигантом семенил, лавируя между обвалившимися могилами, «серв». Шестипал заметил, что маленький робот-ремонтник тоже покрыт свежей камуфляжной раскраской.

Да откуда они такие взялись?..

Хищные деревья, разросшиеся вдоль кромки леса, зашелестели листвой, почуяв человеческое тепло. Бежавший впереди отряда Кузя заорал полоумно, замахнулся ломиком, который он не бросил на пузе «Коллектора», ударил по одной жаждущей крови ветви, по второй... Капли ярко-красного сока брызнули во все стороны и повисли на листьях, точно спелые ягоды. В переплетении ветвей появился проход, в него-то и устремились Слава с девушкой на спине, Припой, Кузя и Серый. Шестипалу удалось вырваться практически из-под носа «Маунтина», из-за чего штурмовой робот снова позволил себе проявление эмоций: он оглушительно взвыл всеми сервомеханизмами, а потом с корнем выдернул первого попавшегося в манипуляторы дендромутанта.

За полосой хищной растительности находился старый лес. Деревья, ставшие свидетелями Последней Войны и ядерной зимы, давно умерли и окаменели. Каждое из них было густо оплетено вьющимися, похожими на кишки, паразитами, из-за чего казалось, будто над этими буками, соснами, ясенями, дубами, кленами потрудились маньяк, украсив внутренностями своих жертв.

Старый лес подарил отряду возможность перевести дух. Слава и Припой опустили девушку на землю, и она снова глухо вскрикнула. Шестипал заметил, что у нее продолжает идти носом кровь. Быть может, помимо сломанного плеча, у девушки – травма головы?

– Пальч, это я облажался! – с чувством проговорил Серый, он сжал покрытые шерстью пальцы на цевье автомата, будто хотел его раздавить. – Я... я утратил бдительность! Отвлёкся на девчонку!

– Серега, прекрати! – отмахнулся Шестипал. – «Маунтин» появился в моем секторе, ты не смог бы его увидеть из-за туши «Коллектора»! Если кто-то облажался, то это точно не ты!..

Хуже и придумать нельзя, чем в критический момент затеять разбор полетов. Шестипал окинул взглядом отряд: все, вроде, в норме, за исключением девицы, и еще Кузю трясло так сильно, что на него было страшно смотреть. «Маунтин» шумно возился в подлеске, от его поступи дрожала земля. Трещали ветки, с натугой гудели сервоприводы.

Шестипал нащупал в подсумке патрон и принялся перезаряжаться, присев рядом с раненой.

– Спасибо, что выгасили... – простонала она, не поднимая век. – Я иду в Одинцово.

– Похоже, что сначала все-таки к нам – во Власиху, – ответил Шестипал. – А зачем тебе в Одинцово?

– За справедливостью, – она с видимым усилием приоткрыла глаза.

Шестипал фыркнул, поглядел на товарищей, те ответили ему такими же недоуменными взглядами.

– Не думаю, что Одинцово – это место, где можно найти хоть какую-нибудь справедливость, – проворчал он.

– Я сама принесу ее им, – она попыталась приподняться, Шестипал неожиданно заметил, что зеленые точки в глазах девушки мерцают, точно радиоактивное свечение. Шестипал насторожился: черт его знает, что этот блеск может означать...

– Мать отказалась от тебя после рождения и не дала имени, – неожиданно проговорила она. – Поэтому в Одинцово тебя прозвали Шестипалом. Не смотри, разинув рот. Ты можешь меня помнить: я родилась в той же общине, меня зовут Мара.

Шестипал тряхнул головой. Детские воспоминания его захлестнули горькой волной. Сколько все-таки лет прошло с тех пор, но Мару он действительно помнил. Она была долговязой девочкой в холщовом вечно замызганном сарафане. Вместе с другими детьми общины они трудились на поле деда Пантелея: отца тогдашнего одинцовского старейшины. У деда Пантелея был самый большой надел, он постоянно прирастал за счет расположенных рядом пустырей. Новую землю нужно было очищать от сорняков, камней и старого железа. Работы было – выше крыши. Шестипалу доставалось от остальной ребятни, и нужно было не зевать, не то, неровен час, прилетит в голову булыжником или ржавой гильзой от снаряда. Якобы – случайно. После тяжелого трудового дня пацаны и девчонки – нормальные, без отклонений от нормы – отбирали его нехитрую пайку и придури ради швыряли ее крысопсам, вынуждая его драться со зверюгами, чтобы вернуть еду. Лишь Мара была не такой, как все. Когда детвору накрывало ненавистью к мутам, и они толпой наваливались на Шестипала, Мара брала в свои не по возрасту сильные руки черенок от лопаты и разгоняла оболтусов, от души и без разбора молотя всех, кто попадется под руку. Однажды маленькая Мара погладила незнакомого с лаской Шестипала по голове. Это был, пожалуй, единственный светлый эпизод в его детстве, и память о Маре, оказывается, до сих пор жила в зачерствевшей душе воина-полумута...

Много времени с тех пор прошло. Люди меняются, и полумуты меняются. Все и вся меняется. Правда – очень редко в лучшую сторону.

– Не бывает полумутов, – эти слова снова стали для Шестипала неожиданностью, Мара как будто ответила на его невысказанные вслух мысли. – Ты или мут, или не мут. – Она вскинула голову и с вызовом посмотрела на него. – Я помню, как тебя выставили за ворота. В тот день с рассвета до ночи шел дождь. Меня изгнали ровно через полгода, ранней весной.

Шестипал недоуменно округлил глаза.

– Да, я тоже оказалась мутком, и меня вынудили уйти, – Мара провела тыльной стороной запястья под носом, посмотрела на кровавый отпечаток. – И теперь я возвращаюсь, чтобы поквитаться.

Припой коротко хохотнул. Веселья в этом смехе не было ни капли.

– Ладно, – Шестипал оперся на ружье, встал. – Для начала давай дотянем до наших. Главный во Власихе – Бродяга Вик, он – лекарь от бога, мигом поставит тебя на ноги. А что делать дальше – решишь сама.

Мара долгую секунду всматривалась Шестипалу в лицо, а потом кивнула.

– Эй, Палыч! Палыч! – позвал стрелка Серый. – Ты только погляди! Тут что-то странное творится...

Шестипал вышел на границу старого леса. Сквозь листву мутировавшей растительности были видны очертания «Маунтина». Биоробот вытащил из устройства на плече метательный диск. Захват на манипуляторе, отдаленно напоминающий человеческую кисть, раскрылся, точно цветок, из «ладони» выдвинулся некий новый механизм. Био закрепил на механизме метательный диск, и через несколько мгновений беглецы услышали хорошо знакомый визг циркулярной пилы. «Маунтин» решительно шагнул в переплетение ветвей дендромутантов.

Шестипал и Серый молча попятились. Не совсем своевременно пришла мысль, что преследующий их био мог быть специально подготовлен для ведения боевых действий среди лесов замкадья. На правильность догадки намекала и окраска «Маунтина», и используемое им оборудование. Как подготовлен, кем и когда – непонятно. Но, в конце концов, это – всего лишь еще один неприятный сюрприз из многих, на которые щедр их едва-едва оклемавшийся после ядерной войны мир.

– Уходим! Уходим! – заорал Шестипал, сиюсь перекричать шум, который производил биоробот, прокладывая себе путь через заросли. Напуганные дендромутанты бесновались: обычно они не связывались с добычей, которая не по зубам, и не заступали таковой дорогу, но био калечил и убивал их, поэтому хищные растения огрызались, как умели.

Перед беглецами было метров триста-четырееста леса, а дальше – полтора километра открытого пространства, которое простреливалось пулеметчиками Власихи. На востоке – Лайковское кладбище, на западе – чаща, совсем уж непроходимая для отряда, обремененного раненым. Ноги сами несли Шестипала и его товарищей в сторону дома. Био тем временем преодолел заросли дендромутантов и вломился в старый лес.

– Ребята, я постараюсь его задержать! – Шестипал прикинул, что он сможет осложнить «Маунтину» жизнь, если всадит еще один бронебойный заряд в его уже поврежденную ногу.

– Давай, Палыч! Жги его, Пал Палыч! – привычно отозвались друзья.

«Маунтин» крушил деревья направо и налево, визжала пила, без усталости работали манипуляторы; био был полон энергии и желания добраться до людишек. Шестипал огляделся и почти сразу нашел взглядом торчащую из земли рогатину: сгодится вместо упора для ПТРД. «Маунтин» был рядом, после каждого взмаха манипулятора на старый лес обрушивался тяжелый дождь из щепок. Шестипал целился. Было бы здорово попасть в коленный сустав био, чтоб эта гора стала увязла в чаще хотя бы ненадолго.

Штурмовой робот вдруг остановился. Шестипал оторвал взгляд от прицела, ожидая подвоха.

Био отвел руку с дисковой пилой за корму, выставил в сторону стрелка вторую конечность. Броневые пластины на испачканном кровавым соком предплечье разошлись, из-под обшивки выдвинулся патрубок с широким соплом на конце. И сейчас же в лицо Шестипала повеяло трупным смрадом. Стрелок бросил ружье и метнулся под защиту ближайшего дерева, на ходу натягивая капюшон. Глаз уловил миллисекундный проблеск электрической искры, затем среди деревьев воцарился ад. На старый лес обрушилась огненная лавина, вспыхнули давно высохшие ветви и стволы, растения-паразиты, обжившие сухостой, принялись биться и корчиться в объятьях пламени, некоторые даже пищали, будто могли чувствовать боль. «Маунтин», деловито урча сервоприводами, рубил направо и налево многометровым огненным мечом.

Шестипал закричал; подобно погибающим в пожаре паразитам, он понимал, что смерть близко. Но в отличие от паразитов, он был наделен свободой действия. Правда, вариантов было немного – только бежать. Через огонь и удушливый дым, вбирая в легкие горячую газовую смесь, которую-то и воздухом назвать нельзя. Чувствуя сквозь куртку и брюки обжигающий жар, сходя с ума от запаха своих сторевавших волос и обожженной кожи.

Он бежал, молясь, чтоб под ноги не подвернулась какая-нибудь коряга. Глаза резало от дыма, и стрелок почти ничего не видел. «Маунтин» прекратил поливать лес пламенем, направил огнемет раскаленным стволом вверх, снова выдвинул вперед манипулятор с пилой и продолжил преследование. Языки пламени лизали его борта, но биороботу было наплевать на пожар. Он не боялся ожогов, и ему не нужен был воздух.

Шестипал слышал за спиной треск и стон сухих деревьев, земля дрожала и норовила уйти из-под ног. С ним наперегонки бежала, спасаясь от пожара, всякая мелкая мутировавшая живность. Растения-паразиты, до которых еще не добралось пламя, дрожали и исходили вонючими соками.

К своему удивлению, Шестипал довольно быстро догнал отряд. Слава и Припой волокли Мару, Серый был рядом: сверкал глазами и водил дулом автомата в полной готовности дать отпор, если на отряд нападет какая-нибудь напуганная огнем зверюга. Кузя убежал далеко вперед, он несся, размахивая руками, в сторону укреплений Власихи. Шестипал надеялся, что в гарнизоне уже объявлена тревога, и что их прикроют, когда они окажутся на открытом пространстве.

Шестипал скинул с себя тлеющую куртку. Серый бросил взгляд на его закопченное, покрытое ожогами лицо, на руки, в которых больше не было ружья, и ничего не сказал. «Маунтин» наступал им на пятки, лес заканчивался, в просветах между деревьями сияло солнце.

– Ну что, Палыч, – Припой поглядел на командира, на товарищей, на Мару, которая, похоже, опять потеряла сознание. – Вперед?

Шестипал, чтобы побереечь дыхание, просто указал рукой по ходу движения. Лишившись оружия, он чувствовал апатию и горько-кислый вкус поражения; от угарного газа его сильно тошнило, виски распирала острая пульсирующая боль. Припой и Слава по очереди кивнули и рванули дальше.

С этой стороны леса хищная растительность приняться не успела. Сухие деревья и кустарники на кромке были частично вырублены, а трава, в том числе – высоченные сорняки – недавно скошена. До стены, огораживающей общинное поселение Власихи, оставалось чуть более километра. Но даже это ничемное расстояние может быть непреодолимым, если за твоей спиной – пребывающий в ярости штурмовой биоробот, а на твоих руках – раненый человек.

Небо слепило яркой синевою. После окутанного дымом сумрачного старого леса воздух казался чересчур прозрачным, и это усиливало ощущение открытости и незащитности. Пока везло только Кузе, чья фигурка маячила на противоположной стороне пустыря. Ему, вероятно, уже ничего не помешает добраться до сулящих защиту стен.

...Они успели одолеть метров сто, когда «Маунтин» своротил на своем пути последнюю пару диких яблонь и пробил выход из чащи. Боевая машина на мгновение остановилась у края леса, затем подхватила первое попавшееся дерево и запустила им в беглецов. Технари притормозили, дерево врезалось стволом в землю метрах в шести перед ними. Припой не удержал Мару, девушка упала и совсем не по-женски зарычала от боли. А био тем временем наклонил корпус вперед и побегал. Его простреленная нога лязгала и клацала. Шестипал понял, что все его внимание приковано к этому ритмичному шуму. А лязг и дребезг неуклонно нарастали, становясь оглушительными, и было очень трудно совладать с паникой, которая требовала упасть и зарыться в сохнувшее сено, в землю, подобно мышке или кроту, на худой конец – просто закрыть голову руками, а затем принять смерть, вопя и отбрыкиваясь.

Серый развернулся и хлестнул биоробота автоматной очередью. Шестипал тоже остановился, выхватил ПМ и сделал несколько бесполезных выстрелов. Пули отскакивали от брони «Маунтина», высекая искры.

А затем что-то врезалось в грудную пластину био и взорвалось. Мелкий горячий осколок вонзился Шестипалу в плечо и прожег бицепс, но стрелок, опьяненный адреналином, не почувствовал боли. «Маунтин» мгновенно сбавил ход и вскинул, будто боксер, манипуляторы. Огненный трассер рассек густой знойный воздух. Позади биоробота среди деревьев старого леса снова рвануло, и Шестипал увидел, как по подлеску мечется перепуганный «серв», стягивая с себя порубленные осколками ветки.

– Наши! – заорал пересохшим ртом Слава. – Наши! – он стащил с себя куртку и принялся его размахивать, будто знаменем, наплевав, что «Маунтин» стоит в считанных метрах.

Что-то крупнокалиберное тяжело и зло клюнуло биоробота в прикрывающие корпус манипуляторы. «Маунтин» угрюмо загудел, затем попятился. Одновременно Шестипал и Серый отступили к технарям и Маре. Расстояние между отрядом и био вновь увеличилось. Очередная серия взрывов заставила штурмового робота покачнуться, а людей – залечь. Заплясали фонтанчики выбитой шальным железом земли. Серый заметался, подтянув к груди колено: из прожженной в голенище «берца» дыры повалил дым.

По «Маунтину» работали из АГС и «Утеса», и громиле это не нравилось, хотя особых повреждений он пока не получил. Но намек был понят: обосновавшаяся на этих землях община умеет за себя постоять, и не стоило даже пытаться атаковать «лоб в лоб».

Над био сверкнул еще один трассер, и тогда «Маунтин» повернулся к отряду Шестипала кормой.

– Выкусил? Выкусил, да? – радовались технари, развалившись на короткой после покоса траве. – Развалюха забугорная! Пшел вон, канистра продырявленная!

«Маунтин» побежал, тяжело ступая на простреленную ногу. Он остановился у проделанной им просеки, бросил взгляд на людей, которых ему так и не удалось достать, затем – на укрепления Власихи, откуда его попотчевали свинцом. Он сохранил образы и того, и другого в долговременной памяти на фронтальной коре головного мозга, а также для пущей сохранности сбросил резервную копию данных на жесткий диск. А после – двинул через старый лес, где почти сразу исчез в дыму. Маленький «серв», словно рассерженный краб, пощелкал поднятыми клешнями, и затем быстренько, пока его не накрыли огнем из АГС и пулемета, посеменял следом за «Маунтином».

В последний вторник месяца сенозарника слышало все Одинцово, как палят старинные ружья возле Поганого Гнезда – поселения мутош и нечестивцев. Убоявшись, что эти звуки могут быть предвестием беды, Друг Духов дядька Волк с согласия старейшины приказал и мужикам, и бабам оставить работы в поле и идти на капище, дабы умолять защитников рода отвратить от общины возможные напасти. Быстро наполнилось капище людьми, опустело поселение – лишь дозорные остались нести службу на забрале стены и сторожевых башнях. Дядька Волк и его ученики напоили пришедших отваром из грибов, поднося к губам каждого дымящийся черпак на длинной ручке. И озарилось после этого разноцветным сиянием капище, и ожили идолы, напоминая поколению нынешнему дела далекого прошлого.

Вкопанное в утопанную землю дубовое бревно с роскошной бородой из мха – это Дед Егор, первочеловек, чистый по крови и по духу, основатель рода, солдат Последней Войны. Рядом – ясеневое бревно на широком корневище, похожем на толстые женские бедра. Это – Баба Дарья, Мать рода, чистая по крови и по духу, хранительница очага, собирательница и огородница. Она родила Деду сто прекрасных и здоровых сыновей и дочерей. Лежащий на боку пенек с похожими на щупальца спутанными корнями – это Злоба, первомутант, которого явила на свет Баба, после того, как ее лона коснулся Зараженный Ветер. По доброте своей Дед и Баба

воспитывали Злобу как родного, не подозревая, что тот по ночам пьет кровь у братьев и сестер. Когда же страшная правда вскрылась, поднялся Злоба против своих родителей и убил Деда коварным выстрелом из пистолета Макарова в спину, а Бабу Дарью сделал своей женой, чтобы рожала она исключительно мутантов – один другого страшнее. Так появились на свет Новые Люди, Повелители Туманов, руконоги, лесовеки, псоглавые и прочие-прочие бесчисленные твари. Чуть было не сгинул род, но дети Деда и Бабы выступили против Злобы и убили его в честном бою, а уродливое тело отдали на растерзание крысособакам. Каждый теперь может подойти к идолищу Злобы, чтобы пнуть, оплевать или облегчиться на него по малой нужде. Так и по сей день блюдут чистоту крови потомки Деда и Бабы, без жалости очищая общину от мутантов.

Старейшина Емельян с мокрой от грибного отвара бородой кричал, встав на Видный Пенек:

– Найди мутанта!..

– ...и убей его! – хором отвечали ему люди Одинцово.

– Найди мутанта!..

– ...и убей его!

– Убей! Убей! – напевала, весело подпрыгивая, девочка-подросток возле самого Видного Пенька, и старейшина вспомнил, что это – сирота по имени Сияна.

– Во имя рода!.. – завопил, не жалел связок Емельян. Его зычный, чуть надтреснутый голос зазвучал, точно рык жука-медведя.

– Смерть мутантам! – с готовностью ответил ему люд.

– За чистоту крови!..

– Пусть сдохнут муты!

В тот вечер они вернулись в избы с легким сердцем и приятной пьяной усталостью. Грибной отвар подарил им крепкий сон и яркие грезы.

Но то ли дядька Волк разбавлял свое варево, то ли ослабла у людей вера, но общее камлание не принесло должного результата: беду отворотить не удалось.

Беда пришла на рассвете следующего дня в виде явившихся из тумана четырех воинов на верховых мутантах. К копыту одного из всадников было привязано полотнище белого шелка.

– Мы явились по велению Максут-Хана, да будут долгими его годы!

Они носили кольчуги и жилеты из толстой турьей кожи. На всех были широкие штаны, легкие плащи с капюшонами, перчатки, отличные сапоги.

Двое – высокие и широкоплечие, один – огромный, настоящий великан, а последний – худой, словно щепка, с девчоночьими плечами и узкой птичьей грудью. Скуластые лица, узкий разрез глаз, черные прямые волосы. У трех – отчетливо заметные на лицах бляшки, образующие что-то вроде чешуи – или особая форма рака кожи, или следы давних генетических манипуляций. У последнего лицо и руки были покрыты серой шерсткой, а в огромных миндалевидных глазах читалась вековая мудрость и тоска. У двоих были луки и полные колчаны стрел, на груди громила висел укороченный автомат Калашникова; у всех имелись мечи, а у великана – даже два в ножнах, расположенных крест-накрест за широкой спиной.

Одинцовские ополченцы открыли скрипучие ворота. Навстречу всадникам вышел старейшина Емельян, его юный босоногий приказчик Глебка, командир ополчения Гаврила Никифорович и Друг Духов дядька Волк с сизым после вчерашнего употребления грибного отвара носом. Оружие было только у Гаврилы – двуручный топор за спиной и древняя берданка в руках.

– Кто такие? – спросил старейшина сварливым голосом.

– Крымские шайны – посланники Ночной Орды – прибыли к вам с миром.

Говорил не громила, и не покрытый шерстью доходяга, а один из двух воинов, более или менее похожих на нормальных людей.

– Что вам надо? – снова прорычал Емельян.

– Мы просим, чтоб вы выказали уважение великому Максут-Хану и до исхода августа, которого в этих краях также называют жнивнем и густоедом, сделали нашему владыке подарок от чистого сердца: пять десятков здоровых юношей, пять десятков здоровых девушек и пять десятков здоровых детей веком до двенадцати лет. Сто мешков неизмененного картофеля, двести мешков муки, десять телег сыров и десять – копченых окороков.

– Мутоши поиметые, – отчетливо произнес в воцарившейся тишине командир ополчения, а потом сплюнул. Посланники орды сделали вид, будто ничего не услышали.

Старейшина Емельян молчал, только пудовые кулаки сжимались и разжимались сами собой. Покрытый шерстью доходяга широко распахнул огромные и непроглядно черные глаза, и Емельян почувствовал, будто к его лицу прикоснулась невидимая теплая ладошка. Старейшину передернуло от омерзения. Это была телемпатия, или как там называют способность некоторых мутош, ублюдков вероломного Злобы, влезать в мысли чистокровных людей. Следом за омерзением пришел гнев, и был похож он на землетрясение, которое зарождается где-то в глубине души, а потом рвется разрушительными волнами во все стороны, отчего мутнеет разум, и мысли заполняет лишь желание калечить и убивать обидчиков.

Емельян прочистил горло, а потом проговорил степенно:

– На стене за нашими спинами – две сотни здоровых мужчин, вооруженных крепкими луками и дальнобойными самострелами. В каждом луке и арбалете – по одной стреле с острозаточенным стальным наконечником. Этого хватит, чтобы унижать вас и ваших верховых чудовищ, как ежей – иглами. С головы до ног.

Снова несколько долгих мгновений стояла тишина.

– Так что же нам передать владыке? – осведомился влажным шепотом шерстистый доходяга.

Старейшина взглянул на своих сопровождающих, – те стояли с каменными рожами, и подумал: будь, что будет!

– Передайте вашему хану вот это, – Емельян выставил в сторону посланников кукиш, а потом поводит рукой вправо-влево, чтоб ордынцы смогли хорошенько рассмотреть фигуру. – И еще вот это, – старейшина рубанул по бицепсу вытянутой правой руки ребром ладони левой.

Скакуны посланников заворчали и зафыркали, роняя из клыкастых пастей длинные тяжи слюны. Однако их хозяева по-прежнему сохраняли невозмутимость, и Емельяну на миг даже стало стыдно из-за своей выходки, которая была бы больше к лицу юному приказчику Глебке, а не старейшине многолюдной общины.

– Ты серьезно? – насмешливо переспросил один из воинов. – Когда Ночная Орда подойдет к этим стенам, вы ослепнете от блеска солнца на наших клинках. Вы оглохнете от грохота наших фузей. А наш боевой клич прозвучит для вас похоронной песней.

– Что ж, – кивнул Емельян, борясь с ощущением падения в бездонную пропасть. – В таком случае мы будем драться в тишине и на ощупь. Приводите вашего хана! И песни мы любим, пусть даже похоронные.

– Ну, хорошо, мы передадим твои слова владыке, – проговорил все тот же воин. – Но когда придет время, и ты раскаешься, вряд ли Максут-Хан подарит тебе второй шанс остаться живым.

Посланники орды развернули верховых зверей и направили их неспешным шагом в сторону затянутого туманной дымкой леса. Громила сорвал с копья белое полотно и сунул уже ненужную тряпку в седельную сумку.

...В общинном дома царило смятение. Емельян мерил светлицу шагами, остальные сидели на лавках, повесив носы. Сильно пахло потом, махоркой и сапогами.

– Ты правильно им ответил, Емеля, – подал голос Гаврила Никифорович. – Не рви на себе волосы. Одинцово никогда не прогибалось под мутов! И не прогнется!

Старейшина резко остановился, зыркнул из-под насупленных ресниц на своих людей.

– Вы понимаете, почему они пришли к нам?

Приказчик Глебка опустил глаза, дядька Волк снял с пояса бубен и начал мелко барабанить по нему костяшками пальцев. Новик – глава ремесленников – и Алексей, в чьем ведении были полевые работы, лишь развели руками. Димитрий, командовавший охотниками и следопытами, и Спиридон, водивший маленький торговый караван из Одинцово в иные поселки замкадья, посмотрели друг на друга, точно совещаясь, кто из них будет говорить, после чего слово взял старший охотник.

– Известное дело, Емельян, – проговорил Димитрий, встав. – Эти шайны с давних пор ведут набеги на окраины Москвы. А с той поры, как на месте МКАДа появилась мерцающая стена, пройти сквозь которую невозможно, им остается только грабить поселения Подмосковья.

– Шли, стало быть, шли ордынцы из далекого Крыма на Москву, – подхватил караванщик, – а тут – бац! – стена на пути! Таинственная и непреодолимая! Не возвращаться же с пустыми руками! Таких, как мы, ордынцы раньше вниманием не удостоивали, но на безрыбье и рак – рыба. Верно я говорю, брат Димитрий?

– Верно, Спиридон! – согласился охотник. – Если вернутся ордынцы без добычи – то это позор великий у них считается. Максут-Хан боится, что его засмеют другие ханы за поход впустую, вот и собирается он пощипать московскую околицу.

– Хорошо, что хоть кто-то понимает, в чем суть! – прорычал старейшина. – Тогда следующий вопрос – как поступим? Скрутить кукиш – дело нехитрое. А как сохранить голову и честь?

– У них кавалерия... – покачал головой караванщик. – И лучшие в мире лучники... Такие лучники, каких в наших краях отродясь не было!

– Нужно делать копьё! Много копий! И стрелы! – вскочил со скамьи Гаврила Никифорович. – Мы засыплем их стрелами из-за нашего частокола! И еще пусть дети с сегодняшнего дня заготавливают булыжники!

– Нужно укрепить ворота и частокол! – быстро вставил пахарь Алексей.

– А мне кажется, все знают, что мы должны сделать! – сказал вдруг громким, но чуть дрожащим от волнения голосом ремесленник Новик. – Но мы все будем молчать, потому что говорить об этом и даже думать – не принято!

Новик оказался под перекрестным огнем взглядов.

– Неужели ты, друг, предлагаешь отдать шайнам то, что они потребовали? – уточнил командир ополчения.

– Никогда! – выкрикнул, краснея, Новик. – Старейшина был прав, когда послал ордынцев куда подальше! Я о другом сейчас... Нам нужна помощь. И вы все знаете, у кого мы сможем ее попросить.

«Там, где вчера стреляли из старинных ружей, – подумал, с прищуром глядя на ремесленника Емельян. – Этот сукин кот имеет в виду Поганое Гнездо!»

– Сдается мне, ты намекаешь на общину Власихи, – сказал главный охотник. – Я правильно тебя понял, Новик?

Ремесленник кивнул. Он не мог говорить об общине мутов и полумутов вслух, слишком уж глубоко засела привитая с детства ненависть к месту, где традиционно селились уроды и изгои.

– Поганое Гнездо... – выдохнул кто-то, и тут же начался гомон и крики.

– Никогда чистые по крови люди Одинцово не придут на поклон к мутировавшему отродью Поганого Гнезда! – заорал командир ополчения так сильно, что завибрировали на окнах старинные стекла.

– Власиха не придет нам на помощь! – надрывал в свою очередь глотку главный охотник. – Тамошние муты ненавидят нас и мечтают, чтобы мы поскорее загнулись! Ха! Да они скорее шайнам помогут, чем нам!

– Где это видано, чтоб одинцовский мужик просил помощи у мутуши поганого... – по-стариковски проскрипел дядя Волк. – Никогда такого не было и не будет!

– А жить вы хотите?! – рев старейшины заглушил остальные голоса. – Или вы все желаете сдохнуть?! Если желаете – то, что ж!.. Я свое пожил, мне все равно! Но на нас надеется община! Бабы и дети малые! О них надо думать и искать выход! А сдохнуть в неравном бою – это всегда успеется, я так полагаю! – он сверкнул глазами.

– Молиться надо! – дядька Волк ударил в бубен. – Деду и Бабе молиться! Они всегда нас защищали, и ныне не дадут в обиду.

– Заткнись! – бросил Другу Духов старейшина, а потом повернулся к караванщику: – А если попросить Власиху продать нам несколько старинных автоматов?.. Что думаешь, Спиридон?

Караванщик фыркнул и всплеснул руками.

– Торговать с мутами? Емельян, я не уверен, что у меня получится, – Спиридон втянул голову в плечи, выглядел он в тот момент донельзя жалко. – Вот, Новик первый заговорил про Поганое Гнездо, пусть он и торгует с ними.

– Я? – изумился Новик. – Я – всего лишь кузнец, братцы! Я кую! Я не пойду к мутам!

Старейшина поморщился, будто испытал одновременный приступ зубной боли, изжоги и геморройного зуда.

– Гаврила! – рявкнул он, и командир ополчения вскочил на ноги. – А если нам самим напасть на Власиху? Ради трофеев? Выгорит это дельце, или муты надают нам по щам и с позором погонят через леса и поля к нашим женам под подол?

– Не выгорит, – как на духу ответил командир ополчения. – Мы всегда сражались в обороне, и никогда ни на кого не нападали. Наши бойцы – парни хоть куда, но по своей натуре они работяги. Они не справятся со штурмом укрепленных позиций, если те будут обороняться мутами со старинным оружием. Но мы можем подготовиться к защите наших рубежей! Сделаем много копий и стрел, а дети соберут булыжники...

– Ясен пень – мы будем готовиться к обороне! – перебил Гаврилу Никифоровича старейшина. – Слушай, Спиридон, – он перевел указующий перст на караванщика, – а если я прикажу тебе отправиться во Власиху и выяснить, на каких условиях мы сможем купить там старинное оружие?

Торговец вздохнул, почесал затылок.

– Ну... Если ты прикажешь, то я, ясен пень, не смогу послушаться. Но вот одобрит ли народ твою затею? – он лукаво прищурился. – Долго ли ты будешь оставаться старейшиной, если община прознает, что ее лидер готов якшаться с мутами?

– А я не держусь за свой пост! – рявкнул в ответ Емельян. – Народ дал – народ и отнимет! И вообще пусть община сама решает, как поступить: гибнуть всем в бою или идти на поклон во Власиху.

– Все в бою не погибнут, – сказал тихо, но так, чтоб услышал каждый, охотник Димитрий. – Многие попадут в неволю. Уж не знаю, что хуже: быть убитым или оказаться в плену у ордынцев.

После этой реплики все замолчали, захмыкали, обдумывая перспективы. Старейшина вспомнил то, что он слышал об орде от отца. Сведения были крайне скудны, ведь до сих пор духи миловали одинцовскую общину иметь дело с этой силой. Безусловно, шайны знали толк в пытках, можно сказать – были мастерами. А еще говорят, что пленных девушек шайны берегли для невольничьих рынков и богатых покупателей, а свою похоть удовлетворяли, насилуя захва-

ченных мальчиков и юношей. Правда это была или навет – Емельян не мог сказать твердо. Но от этого тревога за будущее общины не становилась меньше.

– Я вынесу вопрос на вече, – произнес он, в конце концов.

Все начали расходиться. Светлица наполнилась шарканьем сапог и грохотом сдвигаемых лавок. Командир ополчения, оказавшийся в дверях последним, прошипел через плечо:

– Проклятые муты! Все беды в мире – из-за мутов!

Вечером дядька Волк от души напоил всю общину грибным отваром. Одевшись в крысособачью шкуру (настоящие волки в подмосковных лесах или вымерли, или мутировали вообще в невообразимых тварей), Друг Духов истоиво отплясывал, отбивая себе ритм при помощи бубна. Его ученики – так же одетые лишь в шкуры и набедренные повязки – окружили дядьку Волка двойным хороводом, и каждое кольцо вращалось в противоположную сторону с всенарастающей скоростью. Когда дядька Волк выбился из сил и упал, ученики подхватили его на вздетые руки и понесли над собой. Они ходили от идола Деда к идолу Бабы туда и обратно со своим учителем на руках, и это действие символизировало связь основоположников рода, приведшую к образованию общины.

А потом все собрались у идолища первомутанта Злобы, чтобы харкнуть на него и обругать теми словами, которые запрещено употреблять в быту.

Горели костры, их огни двоились, а иногда – и троились в мутных глазах старейшины Емельяна. Подъем на Видный Пень дался ему в этот раз с особым трудом.

– Одинцово! – обратился он к толпе. – Выбор у нас невелик – либо гибель, либо дружба с мутами. Либо умереть в бою, либо отступить от традиции и впустить мутов в нашу жизнь. Либо сгинуть всей общиной, либо просить помощи у Поганого Гнезда. Я – ваш старейшина, я ненавижу мутов, но я хочу, чтоб Одинцово жило. Какую цену мы готовы заплатить за жизнь? Готовы ли мы забыть о чистоте крови, и умолять тех, кого мы некогда вычистили с нашей земли поганой метлой, поддержать нас в трудный час? Готовы ли мы вести переговоры с Поганым Гнездом? Скажите здесь – перед лицом наших предков, перед Дедом и Бабой – имеем ли мы право направить послов в общину, которой правит одноглазая нелюдь?

– Сдохнем в бою! Слава роду – смерть мутантам! Чистая кровь! – ответила ему толпа сначала вразнобой, а потом – в один голос. – Мут не пройдет! Чистая кровь! Найди мута – и убей его! – Община распалая себя сама. – Найди мута – и убей!

Старейшина почувствовал, как его немолодое, но по-прежнему сильное тело наполняется тягучим жаром. Дыхание перехватило, дрожь пронзила мускулистые плечи. На лице появилась то ли улыбка, то ли оскал.

– Одинцово! – воззвал он. – Я правильно вас понимаю? Похоже, вы приняли решение?

– Чистая кровь! Чистая кровь! – скандировала толпа.

«Ну, и хрен с вами, – Емельян продолжал улыбаться, а внутри него тем временем борлись противоречивые страсти. С одной стороны подкрадывалось шемящее отчаяние, с другой – радость и облегчение от того, что все еще сильна вера в традицию и преданность впитанным с молоком матери убеждениям. – Хотите, значит, помереть в битве? Пусть будет так».

– Тогда сделаем, что должны сделать! Будем стоять до последнего! – произнес он, и народ ответил ему многоголосым одобрительным ревом. – Останемся верными заветам предков и традиции! Умрем за это!

– Чистая кровь! Чистая кровь!

«Чего-чего, а крови прольется много», – устало подумал он, спускаясь с Видного Пня.

Их было двое, если не считать тура, запряженного в телегу. Высокий и статный юноша шел, опираясь на посох путника. Плащ с капюшоном, потрепанная кожаная куртка с кольчужными вставками, старые замызганные камуфляжные штаны и «берцы» – таково было облачение молодого человека. Видом он походил на маркитанта из бедного клана или жителя руин,

которому какая-то счастливая случайность не позволила опуститься и превратиться в полуживотное – трупоеда.

Второй человек – очень пожилой, но отнюдь не старый мужчина мощного телосложения – сидел в телеге на прикрытой драным брезентом куче железного лома и откровенно зевал, хотя зевота в этих местах могла стоить очень дорого. На нем был ветхий балахон с похожим на грязный мешок капюшоном. Что находилось под этой неприглядной накидкой, нельзя было сказать наверняка. Скорее всего – такие же убогие, обжитые вшами штаны и рубаха.

По обе стороны дороги мостились железные коробки гаражей. Большинство выглядело так, будто их только вчера собрали и покрасили. А некоторые превратились в ржавые груды, какими им и полагалось быть по прошествии столетий. Московская Зона умела удивлять, хранить тайны и преподносить пренеприятные сюрпризы.

Юноша поглядел в сторону мерцающей стены, что выдавала местоположение МКАДа. Сквозь барьер из неведомой энергии светило клонящееся к закату солнце, и угадывался рисунок кучевых облаков, спешащий за юго-западным ветром. Сквозь барьер можно было посмотреть на мир за МКАДом, будто в залитое дождевой водой оконное стекло... но пройти за кольцо, через шоссе с удивительно хорошо сохранившимся асфальтом – никак. Хоть ты тресни, хоть лбом бейся... все равно – никак. Москва теперь будто куполом накрыта. Чем вызвано это явление, какие силы за ним стоят – неведомо простому обитателю руин, для которого прожить один день и не оказаться съеденным, застреленным, нанизанным на копье или продырявленным ржавым ножом – уже большое достижение.

– И нужно было этой хрени появиться именно сейчас... – проворчал юноша. – Как назвать такую непруху? Насмешкой судьбы? Дурным знаком? Еще одним испытанием?

– Ты тратишь силы на пустые переживания, мой юный ученик, – ответил пожилой человек скучным голосом. – Что толку от твоих попыток назвать неназываемое? Навесить ярлык на то, что не поддается оценке? Произошло то, что произошло, и наша задача – найти решение, а затем – продолжить путь к намеченной цели.

– Я чувствую себя квазимухой, которая тупо бьется в окно без единого шанса вылететь на волю!

– Все мы – души, запертые в темницах собственных тел, мой юный ученик. Но когда-нибудь каждый из нас обретет волю.

– С каких это пор я стал твоим учеником? – внезапно насторожился парень.

– Да меня просто прикалывает так тебя называть, салага! – оскалился пожилой, показав блестящие, словно выточенные из хромированной стали, зубы. – Меня, знаешь ли, не меньше твоего раздражает эта переливчатая стена! И единственное развлечение для старика – немножко поддеть тебя, молодого и ретивого!

– Тпру! Стой! – из-за гаражей выскользнули пятеро оборванцев, вооруженных капсульными ружьями, револьверами, грубо выкованными мечами, кистенями и копьями; не успел юноша оглянуться, как дорога впереди уже была перекрыта.

– Проболтали, – укоризненно бросил молодой человек пожилому. Старший товарищ в ответ лишь возвел очи горе и скинул капюшон. Засеребрились дорожки, пересекающие вдоль и поперек его бритую голову и широкий лоб.

Еще три тени с ружьями наперевес внезапно появились позади повозки.

– Попали мы, брат, ой, как попали... – пожилой затравленно огляделся. Вокруг были только гаражи, рухлядь и увитые плющами столбы ЛЭП: помощи ждать неоткуда.

– Куда путь держим? – прозвучал ожидаемый вопрос.

– На металлобазу к Сидору, – ответил юноша, исподлобья глядя на оборванцев с оружием. Грязные рожи, черные зубы, сочащиеся гноем болячки и искаженные мутациями черты – эти люди скорее походили на лежалых мертвецов, чем на живых хомо. Для таких нет ничего святого, такие мать родную схарчат в голодный год, и им не икнется. Тем более, эта встреча

не сулила ничего доброго двум случайным путникам, которых занесла на пустынный тракт нелегкая.

– В телеге, стало быть, металл? – уточнил пучеглазый жлобина.

– Всякий ржавый хлам, – прошептал юноша, с ужасом глядя на ожерелье из отрезанных пальцев, которое пучеглазый носил на тучной шее.

– А кроме хлама еще что-нибудь везем? – шепеляво поинтересовался мелкий темнолицый тип, в чьей пасти не хватало всех передних зубов. Он подошел к телеге и заглянул под брезент. – Оружие, наркотики есть? – спросил он профессиональным тоном. – Может, монеты?

– Нет у нас ничего, – выдавил пожилой, испуганно озираясь. – К Сидору идем. Если боги будут милостивы, сменяем железо на еду.

– У нас есть арбалет, – признался юноша. Он, словно ища поддержки, положил руку на теплый загривок тура, но не шибко умное тягловое животное лишь нервически подергивало ушами да отмахивалось хвостом от квазимух.

– Давай арбалет! – темнолицый требовательно протянул руку.

– Да, арбалет есть, – со вздохом признал пожилой человек. Он выудил из-под брезента невзведенный самострел с лежащим на ложе болтом. – Как же совсем без оружия?.. – проговорил он рассеянно. – А если разбойники?..

– Давай сюда! – темнолицый вырвал арбалет из рук пожилого и, щурясь, принялся осматривать добычу.

– Скажите... а вы нас отпустите? – в голосе пожилого отчетливо слышалась мольба, казалось, этот крупный лысый человек едва сдерживает слезы. – Забирайте повозку, груз, забирайте тура, нас только отпустите, – он шумно сглотнул и положил руку на сердце. – Мой юный ученик лишь жить начинает! В нашем мире столько зла... Пожалуйста, будьте милосердны!

– Сдается, что у тебя добрая душа, старик, – проговорил пучеглазый жлоб, по-хозяйски ощупывая упряжь тура. – Мне жаль тебя разочаровывать, но ваш груз ничего не стоит. И эта колымага ничего не стоит, – он стукнул кулаком по борту телеги. – Пока я вижу тура, которого можно продать или забить на мясо, и двух неудачников, которым всегда найдется применение.

– Какое еще применение? – испугался юноша.

– Ну, можно продать вас Процессору, он делает из людей отличных служак, – ответил, почесывая коротко стриженную голову рукоятью револьвера страшный безносый бандит. – А можно – профессору Кречетову, ему тоже, вроде, рабы нужны для какой-то стройки. Или просто отдадим Новым Людям, а они пусть что хотят, то и делают – хоть на вертеле обоих жарят.

К юноше подошел косматый оборванец с мотком веревки.

– Поворачивайся. Руки за спину.

Юноша повернулся спиной к телеге, лицом к гаражам.

– Напрасно вы это делаете, – проговорил он. – Сидор вам не простит!

– Хорош мне тут базарить! – бандит внезапно хлопнул парня по бедрам. – Нож нигде не припрятал, а?

– Сидора и так достало, что вы промышляете на торговых путях рядом с его базой, – продолжал втолковывать юноша, будто надеялся достучаться до совести и здравого смысла прожженных негодяев. – А что если он пустит по вашему следу наемников?..

– Давай-давай свои грабли! – прошипел косматый, хватая молодого торговца за предплечье. Юноша вскинул правую руку. Неожиданно оказалось, что в его кулаке что-то зажато. Блеснуло лезвие похожего на большое шило стилета. Резкий поворот, молниеносный удар, – и клинок с хрустом вонзился налетчику по рукоять в шею. Еще один рывок, чтобы освободить оружие, – и кровь хлынула из раны фонтаном на юношу, на дорогу, на гаражи, и даже, кажется, на мерцающий Купол, нависающий над Москвой.

– ...или уже пустил, – договорил молодой человек, выбрасывая вперед вторую руку. Налетчики, открыв рты, уставились на появившийся, словно по волшебству, пистолет-пулемет «Кипарис». Все это заняло считанные секунды, и злобные оборванцы, сбитые с толку показной безропотностью жертв, не успевали отреагировать на внезапную угрозу.

Грянула длинная очередь. Четверо налетчиков, которые стояли возле тура, задержались, точно куклы-марионетки, чьими веревочками взялся играть душевнобольной.

Остальными занялся пожилой. Он прыгнул с телеги на пучеглазого жлоба, наподдав тому коленом в грудь. Судя по громкому хрусту, пожилой весил очень много, и нанесенный им урон был сопоставим с ударом упавшей железобетонной плиты. Затем торговец в хламиде метнулся к следующему налетчику и не позволил ему выстрелить, врезав ногой по ружью, направленному на юношу. Схватив двумя руками бандита за голову, торговец с силой крутанул, точно собирался свинтить неподатливую крышку. Снова затрещали кости, бандит вывалил язык и обмяк, по его пропыленным штанам расплзлось мокрое пятно.

Затявкали револьвер, но торговец закрылся оборванцем со свернутой шеей, как щитом. После третьего выстрела револьвер налетчика заклинило, – такое часто случалось с кустарным огнестрелом, произведенным кое-как и из чего попало в послевоенные годы. Пожилой отшвырнул измочаленного мертвеца и переместился к телеге. Для человека его габаритов, веса и возраста, этот тип двигался на удивление легко и стремительно. Сунув руку под брезент, пожилой нащупал припасенный до нужного часа помповый «Ремингтон» и рванул винтовку к себе.

В живых остались лишь два налетчика. Один вертел трясущимися руками револьвер, пытаясь снова заставить его стрелять. Второй отшвырнул оружие и кинулся в сторону гаражей, чтобы укрыться в одном из проходов.

Первый налетчик бросил револьвер, выхватил нож и с глухим отчаянием перешел во внезапную атаку. Пожилой выстрелил в бандита почти в упор. «Ремингтон» плеснул огнем и свинцом налетчику в лицо; голова взорвалась, по крышам гаражей забарабанили ошметки.

Не обращая внимания на кровавый дождь, торговец направил винтовку на последнего мародера и нажал на спусковой крючок. «Ремингтон» басовито ахнул. Бандит пошатнулся, перешел с бега на шаг; неразборчиво причитая себе под нос, он дотянул до прохода между гаражами, который сулил укрытие, но упал в него уже бездыханным.

Пожилой завертел головой, нашел взглядом юношу. Молодой торговец сидел на корточках возле ближайшего тела и вытирал свой узкий клинок об одежду убитого.

– Вот и стилет Мары пригодился, – задумчиво проговорил пожилой.

– И «трещотка» пригодилась, – парень показал ему пистолет-пулемет. – А ты говорил – продай! Мол, неэффективный ствол в наших условиях. Мол, только для бандитских разборок... А это по-твоему – не бандитская разборка? – юноша указал подбородком, покрытым мягкой, незнакомой с бритвой порослью, в сторону груды мертвых тел. – Жаль только, патроны совсем закончились...

– Купим у Сидора. Какие проблемы? – пожал плечами старший торговец и принялся вытирать лицо рукавом.

– Ага, – юноша придиричиво осмотрел клинок, затем вложил его в ножны, спрятанные под плащом. – Теперь надо найти этого Змея и оттяпать ему голову. Сидор сказал, что Змея можно узнать по татухе на правой щеке... На этом татухи нет, – парень ткнул пальцем в лежащее перед ним тело.

– Придется, значит, искать, – без особого энтузиазма отозвался пожилой. – Эти гады были грязные, как черти, и в коросте... Я не разглядел никаких татуировок, – он поморщился, пошарил пятерней под хламидой, и когда вынул руку, то на ладони внезапно оказалось белесое пятно.

– Слышишь, Лан. Меня все-таки чуть-чуть подстрелили.

– Да? – юноша бросил взгляд на компаньона. – Не страшно, Тит. Регенерируешь. В первый раз, что ли...

– Рикошетом, наверное, зацепило. Сразу ничего не почувствовал, а теперь вот поясницу тянет. Старый я совсем становлюсь, – пожилой торговец печально улыбнулся.

– Ты еще соплю пусти, дедуля, – парировал парень. – Это тебе за то, что дразнил меня «юным учеником».

Они принялись кантовать убитых. Дело было неприятное, но того стоило. Если, конечно, Сидор не обманет. А с ним всегда нужно держать ухо востро, хотя Сидор, наверняка, не дурак, чтобы пытаться натянуть двух наемников, один из которых – дружинник Кремля, а второй – киборг, бывший гладиатор и чемпион Арены, оставшийся непобежденным.

Да и не наемники они, по сути говоря. То, чем приходится заниматься сейчас – временно и вынужденно.

– Ни одной татуированной рожи, – констатировал парень, когда все тела были осмотрены.

– Может, Сидор ошибся? – предположил пожилой.

А потом оба липовых торговца одновременно устались на безголовый труп.

– Да ну на фиг, – буркнул пожилой.

– Ты с ним это сделал, ты и проверяй.

– А как я проверю?! – вспыхнул пожилой. – Склею ему череп, как разбитую вазу?! Да ну на фиг! – повторил он, затем подошел быстрым шагом к обезглавленному и склонился над телом.

– Тит, будь другом – поторопись. Запах крови в вечернем воздухе разносится особенно далеко, скоро нагрянут нео, – юноша сорвал с телеги брезент, порывлся среди ржавых труб и арматуры, выудил меч в ножнах, который тут же сноровисто повесил на пояс. Но это было еще не все, молодой человек снова загремел железяками и достал на этот раз автомат Калашникова. Было немного странно, что грабители проглядели не особенно-то тщательно спрятанное оружие. Что тут скажешь – скоты. Самонадеянные, наглые, привыкшие тиранить безоружных путников скоты.

Тур от нечего делать принялся жевать на одном из убитых куртку.

– Лан! Вроде что-то есть, – пожилой тип вертел в руках то, что раньше было частью лица налетчика. – Я не совсем уверен, но, кажется, тут какие-то черточки. Может, в луже помыть, и тогда станет виднее?

– Халтура, – протянул со вздохом юноша. – И что теперь мы скажем Сидору?

Сидор перекусывал лапой жареного с чесноком рукокрыла. В своей каморке под бетонным арочным сводом старого бомбоубежища глава мелкого клана маркитантов чувствовал себя в полной безопасности, поэтому мог позволить себе сидеть спиной к дверям. На обшарпанном письменном столе позади Сидора лежал ветхий гроссбух, первые записи в котором были сделаны более двухсот лет назад – в конце двадцатого века – прежним руководством металлобазы. После войны эту книгу продолжили вести маркитанты – новые хозяева производственных территорий, и вот теперь дошла очередь до Сидора черкать по желтым страницам восстановленным «Паркером» – сколько тонн металла доставлено, сколько переработано, сколько куплено, сколько продано, каковы прибыли и убытки. Еще на письменном столе находился монитор компьютера – это был тоже антиквариат, относящийся к концу двадцатого – началу двадцать первого века. Вместо кинескопа в монитор был вставлен аквариум, в котором жил питомец Сидора – трехглавый хомяк по кличке Братан.

Бум-бум! – постучали кулаком в металлическую створку. Сидор бросил недоеденную лапу в тарелку, где уже несколько дней лежала пара костей разной степени обглоданности и скомканная салфетка, потом повернулся вместе с креслом к дверям.

Сквозь открывшийся проем хлынул яркий электрический свет. На этом сияющем фоне возник силуэт громилы с телом взрослого человека, перекинутым через плечо. Сидор непри-

ветливо поглядел на вошедшего, отрыгнулся в кулак и полез в ящик письменного стола за тряпкой – после еды у него сильно вспотела лысина.

Громила тяжело спустился по ступеням металлической лестницы, а в дверном проеме появился еще один удалец – не столь богатырского сложения, но тоже далеко не хлюпик.

– А-а... Лан и Титан. Двое из ларца. – Сидор нахмурил брови, предчувствуя неладное. – Что это за представление?

Титан сбросил свою ношу, и только тогда маркитант увидел, что у человека, до последнего момента безвольно висевшего у киборга на плече, нет головы, и что на шею мертвеца для поддержания чистоты надет полиэтиленовый пакет с символикой довоенной торговой сети «Пятерочка».

– Это что еще такое? – рассердился Сидор, прикрыв нос пахнущими чесноком пальцами.

– Это – Змей, – сказал Титан и положил изувеченное тело на письменный стол перед маркитантом.

– Я заказывал вам голову Змея! – Сидор сначала покраснел от гнева, а потом – побелел. – А это что?

– Ну, извини, – примирительно прогудел киборг. – Накладочка вышла. Получается, у нас есть все, кроме головы.

Сидор с отвращением поглядел на мертвеца, а потом перевел взгляд на двух наемников.

– Вы шутить вздумали?! Надо мной?! На моей базе?!

– Бог с тобой, Сидор! Какие шутки! – Лан встал плечом к плечу с киборгом. – Заказ выполнен. Змей больше не будет грабить твоих поставщиков. Ну, а насчет головы – извини, так получилось. Был бой, а в бою не до особой аккуратности.

Сидор фыркнул, скомкал тряпку, которой он утирал пот, и швырнул ее в дальний угол каморки.

– А как вы докажете, что этот жмур – Змей? Или вы полагали, что я по заднице его опознаю? – он брезгливо выпятил губу. – Нет, не опознаю. Какого шама вы сюда притащили труп, я вас спрашиваю? Или за фраера меня держите?

– У него осталась часть нижней челюсти. Я сейчас тебе покажу, может, ты по зубам узнаешь, – Титан потянулся к пакету, надетому на шею мертвеца.

– Не вздумай это здесь снимать! – рявкнул Сидор, подпрыгнув в кресле. – Я ведь только что пообедал! И вообще, знаете что? Забирайте-ка свою дохлятину и катитесь подальше! Я разрываю с вами контракт!

Лан и киборг переглянулись.

– Эй! Полегче, Сидор! – Титан вскинул подбородок и сложил на широченной груди руки. – Ты нас тоже за мальчишек не держи. Сказали тебе – это Змей, значит – Змей. Контракт выполнен. Мы – профи, и впаривать кому-то фуфло не будем – не по масти нам жульничать.

– Между прочим, злодеев было восьмеро, – добавил Лан. – Контракт перевыполнен.

Сидор откинулся на спинку кресла и насупился. Ему совсем не хотелось ссориться с двумя бойцами, которые поучаствовали в уничтожении опасных и могущественных группировок Нового Арбата и Замоскворечья. Но в то же время врожденное жлобство говорило ему, что если имеется причина не платить, то платить не стоит. Сидор посмотрел на Братана: трехголовый хомячок жрал овес в три горла, ему было не до душевных мук хозяина.

Лан хлопнул киборга по предплечью.

– Слушай, Тит, а кто еще там был? – он снова повернулся к маркитанту. – В шайке Змея был тип без носа... И еще такой лупоглазый жирдяй с ожерельем из пальцев. Мы можем их головы притащить, если, конечно, нео не подобрал трупы.

– Хм... – Сидор кивнул, почесал подмышку. – Ну, про этих я слышал, ага. Безносый – это Чуча, а с ожерельем из пальцев – это Федя Горе. Не знал, что они спелись со Змеем... Ладно, – маркитант вздохнул. – Будем считать, что на котелок патронов вы заработали, – он

выдвинул верхний ящик стола, в котором хранилась всякая мелочовка – ее можно было всучить в качестве символического гонорара.

– Ты обещал, что поможешь нам пройти сквозь Купол!

Сидор невольно вздрогнул, голос юноши кольнул его, словно острое меча.

– Пройти сквозь Купол... Ну да, ну да... – маркитант сложил кисти на брюхе и принялся вращать большими пальцами друг относительно друга. Он всегда так делал, когда в голову приходил план внезапной, но перспективной аферы. – А я был сильно пьян, когда обещал такое?

– Сидор! – Лан криво усмехнулся. – Для меня очень важно оказаться за МКАДом, поэтому не вздумай валять со мной дурочку!

– Ладно, – смягчился маркитант. – Хочешь пройти на другую сторону? Лично я ничем не могу тебе помочь. Но у меня есть кое-какая информация... – он поглядел на лежащий перед ним труп и подергал себя за ус. – Но сначала, шама ради, уберите эту пададь с моих глаз!

Титан кивнул, подхватил мертвеца, подошел с ним к лестнице и выбросил в открытую дверь. На все про все ушло не более пяти секунд.

– Жил в наших краях один тип, не знаю, какое у него было имя, но у нас называли его Свалочником, – начал, развалившись в кресле, Сидор. – Сам по себе он был нулем, пустым местом, отщепенцем без родни, без друзей и без гроша за душой. Все плевали на него с высокой колокольни, и я даже удивляюсь, как он смог в наше непростое время дожить до своих то лет, – Сидор сделал паузу, многозначительно поглядел на собеседников из-под сведенных бровей, а потом продолжил: – А дальше я скажу вам то, что слышал от людей. В тот день, когда появился Купол, Свалочник находился прямо на МКАДе. И излучение или энергия Купола – не знаю, как правильно назвать – изменила Свалочника. Это ничтожество обрело способность проходить сквозь Купол. И не просто проходить! Свалочник может провести за собой нескольких человек! Говорят, не его одного накрыло на МКАДе, говорят, есть еще такие, как он. Проводниками их прозвали. Но о других ничего не знаю, слышал только о Свалочнике.

– И где же нам найти этого человека? – с сомнением любопытствовал Лан.

Сидор оскалился.

– Свалочник – не человек! Смотри, не потеряй сознание, когда увидишь его!

Лан и Титан переглянулись. С какими только тварями им не приходилось иметь дело на улицах постъядерной Москвы!

– Ну, так где же он обитает? – переспросил киборг. – Сидор, не томи!

Маркитант снова уклонился от прямого ответа.

– Когда с ним все это произошло, – продолжил он, – Свалочник осознал свой новый дар и решил, что, наконец, настал на его улице праздник. Всю жизнь он копался в мусоре, а теперь, дескать, появился шанс стать очень важной персоной. Он думал – будет водить желающих сквозь Купол за плату и на этом деле неслабо поднимется. Однако Свалочник слишком много о себе возомнил, с таким ничтожеством, как он, никто не собирался считаться или вести переговоры. Когда о даре Свалочника стало известно, сразу несколько кланов и группировок отправили бойцов по его душу. Я тоже приказал своим ребятам привести Свалочника ко мне на базу. Я собирался сделать его своим инструментом для прохождения Купола, свои рабом, своим крысопсом, чтобы он служил мне за миску помоев.

– Хм... – Лан принялся обшаривать каморку Сидора взглядом, словно надеялся увидеть Свалочника в одном из темных углов.

– Увы, но мои парни не успели! – маркитант развел руками. – Я слышал, что Свалочник попал в руки Турка и стал его собственностью. Да, он водит людей через Купол, как и собирался, но вся прибыль капает Турку в карман.

– Что за Турок? – нетерпеливо осведомился Лан.

Сидор усмехнулся, в его глазах появилась хитринка.

– Не буду юлить, Азиз по прозвищу Турок – мой главный конкурент. Он тоже занимается металлом, и у нас с ним постоянные «терки». Если вам нужен Свалочник – то вам к Турку. Но если вы пойдете на его базу, то мой вам совет – не расставайтесь со стволами!

– Сначала ты хотел, чтоб мы устранили Змея. А теперь ты намекаешь, что нам нужно разобраться с твоим конкурентом! – Лан был возмущен. – Не слишком ли много грязной работы ты пытаешься свалить на нас?

Сидор закатил глаза, потер усы.

– Вы можете пойти туда и договориться с Турком насчет Свалочника по-хорошему. В конце концов, водить людей за МКАД – это теперь часть бизнеса Азиза. Но я еще раз повторю – ни за что не расставайтесь со стволами, и вообще все время держите пальцы на спусковых крючках! – маркитант чуть наклонился вперед. – Клянусь своей печенкой, это я советую вам, как друг! – добавил он многозначительным тоном.

– Шам знает что... – буркнул Лан и вопросительно поглядел на Титана, ожидая, что скажет старший товарищ.

– Мы примем твои слова к сведению, Сидор, – киборг качнул исчерченной танталовыми дорожками лысиной. – Спасибо за предупреждение.

Маркитант криво усмехнулся. Пока все шло, как по маслу.

– Если надумаете навестить Турка, то я дам вам столько патронов, сколько сможете унести. Просто на всякий случай. И еще... одну секунду, – он выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда две гранаты РГН и положил на стол перед собой. – Вот, восстановленные.

Напряженное молчание длилось несколько секунд. Затем киборг протянул руку и сгреб гранаты похожей на ковш экскаватора ладонью.

– Эти железки всегда в хозяйстве пригодятся, – прогудел он, а потом подтолкнул товарища к дверям. – Пойдем, Лан.

– Да, пойдём, – кивнул юноша, а потом встретился взглядом с маркитантом и мрачно произнес: – У нас, между прочим, есть тур и телега. Мы возьмем с собой очень много патронов.

Сидор подумал, что юнцу очень уж сильно горит выйти из Москвы, и устало улыбнулся.

– Вот так-то, Братан... – со вздохом обратился он к трехглавому хомяку, когда стальная дверь с лязгом захлопнулась.

Прямой хват, обратный, восьмерка – Лан разминал запястье, упражняясь со стилетом Мары. Его взгляд был направлен на призрачную стену Купола. Звезды, которые светили по другую сторону непроходимого барьера, выглядели, словно отражение на тронутом легкой зыбью зеркале воды.

– Когда-нибудь клинки снова встретятся? – проговорил за его спиной Титан.

– Да, второй остался у Мары, – ответил Лан. – Мы встретимся, и клинки встретятся, – он продолжил упражнения.

Послышался скрип досок и глухой стук. Это Титан взгромоздился на телегу и улегся на солому, настеленную на дно. Обычному человеку нужен сон и отдых для нормальной жизнедеятельности, а киборгу не требуется ни первое, ни второе. Но Лан заметил, что старый гладиатор все чаще пытается выкроить время, чтобы просто посидеть или поваляться. В характере Титана тоже стали заметны изменения: периоды напускной бравады сменялись откровенной меланхолией. Лан решил, что это все-таки возраст: слишком много нечеловеческих сил было растрачено киборгом за его насыщенную жизнь, слишком много свинца вобрало в себя его семижильное тело.

– Одинцово – там? – Лан указал острием стилета вперед.

– Да, отсюда – строго на запад, – ответил Титан, хотя, наверное, из телеги ему было не видно, в какую сторону тычет острой сталью молодой воин.

– Я перестал ощущать Мару, – Лан задумчиво глядел перед собой. – Ты же знаешь, Тит, расстояние, которое пролегло между нами, не позволяло обмениваться мыслями. Но все равно от нее приходили какие-то образы, и я понимал, в порядке она или угодила в беду.

– Да, я в курсе, Лан, – откликнулся Титан.

– Как только появился этот Купол – будто отрезало, – Лан взмахнул стилетом, узкий клинок со свистом рассек воздух. – От Мары больше ни одного послания. Я даже не могу сказать уверенно, жива ли...

– Жива! – тотчас же высказался киборг. – Нашу Мару не так-то просто одолеть! Она была лучшим гладиатором Арены – после меня, само собой! – а это многое значит! Она была вице-чемпионом! Если бы меня спросили, кто загнется на пути в Одинцово – ты или она, то я бы не стал делать ставку на тебя.

Лан хмыкнул и сунул стилет в ножны.

– Ну, спасибо, старикан.

– Давай отдохнуть, завтра предстоит тяжелый день.

– Будто сегодня он был простым.

– А ты разве не привык к мысли, что простых дней никогда уже не будет?

В конце концов, они решили оставить тура и телегу маркитантам Сидора, а сами, нагруженные оружием и боеприпасами, потопали во владения Азиза Турка.

Помповый «Ремингтон», добытый во время похода на Арбат, висел у Лана на спине рядом с рюкзаком, пистолет-пулемет «Кипарис», захваченный в качестве трофея в Замоскворечье, болтался на груди на ремне. На поясе – кобура с ТТ, меч в ножнах и стилет. Титан был вооружен автоматом Калашникова и коротким мечом-гладиусом, к которому киборг питал сентиментальные чувства. Во время передрыги с разбойниками Титан использовал «Ремингтон», поскольку винтовка сразу подвернулась ему под руку, но сейчас каждый был при своих стволах.

Турок был дельцом примерно того же масштаба, что и Сидор. Его база – это десяток уцелевших во время Последней Войны бетонных лабазов с собранными заново крышами и двор в несколько сотен квадратных метров, заваленный старым железом. Ни укреплений, ни сторожевых башен. Лану доводилось видеть, в какие твердыни превращают свои владения иные более крутые кланы, здесь же был не тот случай. Со всех сторон владения Турка окружал мутировавший лес, пожалуй, это была единственная естественная преграда на пути возможного агрессора. Дорога, ведущая к лабазам, пролегла между двумя высоченными горами щебня и строительного мусора. На вершинах гор-близнецов Лан увидел кольца с нанизанными на них головами нео.

От лабазов навстречу Лану и киборгу шел отряд из четырех человек. По виду – это были типичные мародеры, которые наведались к маркитантам, чтобы сбыть награбленное, прикупить еды и боеприпасов, и потом снова отправиться на промысел. Отряд возглавлял головорез с вытатуированной на щеке головой кобры.

– Привет, Змей, – тихо буркнул Лан, для него эта встреча стала неожиданностью.

– Чего уставился? – процедил бандит. – Проходи, не задерживайся!

Они разошлись; один из подельников Змея присвистнул, бросив завистливый взгляд на оружие друзей.

– Кого же мы тогда уконтропутили? – задумчиво почесал бровь Титан.

Лан отмахнулся.

– Какая теперь разница? Вряд ли тип, которому ты снес башку, был хорошим человеком.

– Это точно, – не стал спорить Титан. – А вот и маркитанты!

Из приоткрытых ворот в ближайшем лабазе вышли пятеро в покрытых пятнами ржавчины и машинного масла комбезах. Вроде – самые обыкновенные работяги, один даже на ходу

бутерброд дожевывает. Но в руках – ухоженные «калаши», чьи стволы направлены на двух путников.

– Кто такие? – окликнул друзей маркитант с кривым шрамом через все лицо.

– Наемники, – ответил Титан. – Идем выказать свое почтение Азизу Турку и просить его заключить с нами сделку.

– Что вам надо? – осведомился маркитант со шрамом. – Мы не нуждаемся в услугах наемников.

– Нам нужно пройти за МКАД, – сказал Лан. – Мы слышали, что у вас есть Проводник.

– Мы готовы заплатить, – тут же подхватил Титан. – У нас есть монеты, есть и приличный огнестрел, который сгодится для обмена.

Маркитанты окружили друзей полукольцом. Лан почувствовал сильный запах лука, – он исходил от бойца, слопавшего бутерброд. Заросли растений-мутантов, окружавшие лабазы, зашуршали листвой, подчеркивая тревожную атмосферу происходящего.

– Значит, по поводу огнестрела... – заговорил маркитант со шрамом. – Если хотите увидеться с Турком, то весь огнестрел вы должны оставить нам. Вернем все до последнего патрона после разговора с боссом.

– Так не пойдет, – сказал, как отрезал, Лан.

– Чего – не пойдет? – маркитант со шрамом презрительно поморщился. – У нас тут свои правила. Не нравится – поворачивай и двигай подальше, пока пульей не поторопили. Вас сюда не звали.

– погоди, не кипятись, – Титан протянул маркитанту руку. – Вот, держи!

Их пальцы соприкоснулись, маркитант со шрамом изумленно уставился на оказавшееся в его ладони кольцо. Титан, нехорошо ухмыляясь, показал всем гранату, зажатую в другой руке. Люди Турка отшатнулись.

– Спокойно-спокойно! – Титан поднял руку с гранатой повыше. – Мы вам не враги. Просто наша вера не позволяет расставаться с оружием...

– Ты, по ходу, сам себе – враг! – выпалил разящий луком маркитант. – Жить надоело?

– О, я прожил достаточно, – глубокомысленно и с искренней усталостью в голосе протянул Титан. – Я видел столько вещей, о которых хотел бы забыть навсегда...

– Ну, а про своего напарника ты не подумал? – маркитант со шрамом перевел ствол автомата на Лана. – Ему, вроде, умирать не очень хочется.

– У вас найдется пять минут поговорить о Крае Вечной Войны? – усмехнулся Лан, показывая всем вторую гранату без предохранительной чеки. – Туда уходят воины, которые погибли с мечом в руках, – он демонстративно положил ладонь свободной руки на меч в поясных ножнах. – Я был бы счастлив отправиться туда с компанией!

Бойцы в рабочих комбезах обменялись быстрыми взглядами. Лан подумал, что в иных более крутых кланах маркитантов подобной ситуации вообще бы не допустили. На расстоянии взяли бы на мушку и потребовали бы сложить оружие. А за невыполнение – жажнули бы большим калибром, и дело с концом.

– Мы должны доложить Азизу, – сказал, наконец, маркитант со шрамом.

– Сейчас все вместе пойдем и доложим, – Титан снова не позволил противнику перехватить инициативу. – Ведите. И не забудьте, что радиус поражения осколками – пятнадцать метров.

Они двинулись по залитой солнцем бетонке мимо первого лабаза, затем – мимо второго и третьего. Из раскрытых ворот строений тянуло жаром кузнечных горнов и угольным дымом, деловито стучали молоты. В огороженном дворе два голых по пояс увальня разгружали телегу, просевшую под тяжестью ржавых радиаторов. Никто не обращал на процессию ни малейшего внимания. Пара брошенных вскользь взглядов – и все.

Лан и Титан, шествуя в окружении людей Турка, вошли в раскрытые ворота четвертого строения. Здесь сильно пахло горячим железом, озоном и потом. Лан увидел уходящее вдаль длинное помещение, где-то впереди вспыхивала электросварка. Было несомненно, что этот клан обладал секретом производства электричества: важное и полезное умение в мире почти всеобщего невежества и технического упадка. Слева и справа от прохода громоздились кузова автомашин в разной степени разобранности.

– Азиз! Азиз! – позвал маркитант со шрамом.

Два человека, о чем-то споривших возле «Урала» с поднятым капотом, обернулись. Впрочем, один из них снова переключил внимание на двигатель, а второй, вытирая руки о промасленную тряпку, направился к пришедшим.

– Азиз, не подходи близко! – маркитант со шрамом вскинул руку. – Тут два хитромудрых гостя пожаловали. Мы не смогли их разоружить, – договорил он поникшим голосом. – Прости, Азиз. Виноват.

– Азиз, мы пришли не ссориться, а заключить сделку, – подал голос Титан.

Турок повел головой, – Лан решил, что это движение – нервный тик, – и небрежно повесил испачканную маслом тряпку на бампер «КамАЗа».

– Говорят, что гостя присылает в дом сам бог, чтобы проверить щедрость хозяина, – подчеркнуто приветливо проговорил Азиз. – Гости – это святое. Прошенье или непрошенье – не имеет разницы, старый турок рад, что его помнят, и что он кому-то нужен. Прошу! Подойдите и расскажите: что привело вас в мои владения?

Маркитанты, все это время державшие Лана и Титана в кольце, неуверенно расступились. Азиз – вопреки собственным словам совсем еще не старый, с колючим взглядом и усиками щеткой, – стоял теперь перед друзьями и насмешливо улыбался.

И в этот момент Лан вдруг услышал стон – долгий, резонирующий, наполненный смертельной тоской и мукой. Такой звук мог издать смертельно раненный биоробот, но никак не существо из плоти и крови.

– Эй, Родион! – Азиз хлопнул в ладоши. – Сделай нам чаю!

– Слушаюсь! – один из бойцов повесил на плечо автомат и с очевидным облегчением рванул за ворота лабаза.

– Я в свое время пытался выращивать чай вот прямо здесь – в теплицах за хозяйственным двором, – Азиз сделал широкий жест рукой. – Но чай постоянно мутировал, сначала становился просто горьким, потом – ядовитым, потом – хищным. Каждое новое поколение – безобразнее и опаснее предыдущего. И, в конце концов, мне пришлось договориться с Савеловским кланом. Они продают мне восстановленный чай в красивых жестяных коробках. Видели когда-нибудь такие? Сейчас и посмотрите, и попробуйте...

Лан неожиданно почувствовал, что рука, сжимающая гранату, очень сильно устала.

– Мы пришли не чаи гонять, – поспешил он взять тура за рога. – Тут рукокрыл на хвосте принес, что у тебя имеется человечек, который способен через Купол провести. Мы бы заплатили тебе честь по чести за его услуги.

Снова из глубины лабаза послышался тяжкий, пробирающий до мозга костей стон.

– Э-э... – протянул Азиз. – Ну, ладно. Давай я покажу тебе этого «человечка». Если захочешь иметь с ним дело – то о цене договоримся, не вопрос. Мне очень надо, чтоб эти штуки, – он посмотрел на гранату, зажатую в кулаке Лана, – взорвались за Куполом, а не здесь. Пойдем! – Турок махнул рукой и пошел по проходу дальше – в сторону вспыхивающей электросварки.

Лан и Титан двинули за Азизом. Лан заметил, что сопровождавшие их маркитанты больше не маячат за спиной, а отошли на безопасное расстояние и встали за кузовами автомашин. Дурное предчувствие не просто кольнуло, дурное предчувствие дало пинок подкованным сапогом.

– Идемте-идемте! – Азиз обошел остов очередного грузовика и остановился, уперев кулаки в бока. Взгляд его был направлен вниз – на нечто, пока скрытое от глаз друзей-наемников.

Снова раздался стон, в котором читалась мука Атланта, вынужденного держать на плечах тяжесть небесного свода.

– Спасите, – голос был бесстрастным, с металлическим оттенком, словно его источник – не человеческая глотка, а речевой интерфейс какого-нибудь нестандартного биоробота. Тем сильнее било по нервам отчаяние, сквозящее через внешнюю бесстрастность.

Лан и Титан встали рядом с Азизом.

У Свалочника было четыре руки. Дополнительная пара кибернетических конечностей располагалась ниже рук, доставшихся этому существу от рождения. У Свалочника были глаза, как у насекомого – огромные, на половину лица, и состояли они из десятков объективов. Свалочник был одет в холщовую, много раз залатанную, но все равно рваную хламиду. Из хламиды торчали босые ноги. На коленях и на стопах живая плоть «прохудилась», как ткань убогой его одежды, образовались обширные раны, в которых виднелись кибернетические узлы. Некоторые узлы и детали выглядели филигранно и высокотехнологично, а другие – напротив казались грубыми и кривобокими, словно кто-то добавил в конструкцию железак со свалки. Лан подумал, что этого Свалочника много раз чинили, или, быть может, он сам себя чинил, используя то, что мог найти. Края многочисленных ран гноились, над ними кружили квазимухи.

Две кибернетических руки Свалочника были притянуты замками с мощными дужками к двум стальным фермам, упирающимся в потолок. Две живых руки безвольно висели вдоль тела, на вид они казались слабыми, дистрофичными. Возле Свалочника стояли две миски – в одной оставалось чуть-чуть недоеденной каши, а в другую до краев было налито машинное масло.

– Спасите, – повторил Свалочник и навел один электронный глаз на Титана, а второй – на Лана.

– Что-то я не пойму, кто он, – признался Титан.

– Говорят, давным-давно жил возле МКАДа один шизик, – начал Азиз, глядя на своего пленника, как на неведому зверушку. – Апостол – было его прозвище. Он родился на исходе ядерной зимы в одном из бункеров, был обучен разным наукам и премудростям. Когда стало возможно обходиться на поверхности без противогаса, Апостол покинул убежище, и вскоре у него поехала крыша. Видимо, он насмотрелся на то, что у нас тут творится, и что-то его доконало. Апостол решил, что мир стал бесчеловечным по своей натуре – кто бы с ним поспорил, верно? – и чтобы выжить, человеку нужно превратиться на какую-то часть в машину. Говорят, Апостол оборудовал лабораторию, где ставил опыты над людьми, вживляя в их тела различные электронные и механические элементы. Не трудно догадаться, что многие подопытные погибли. А те, кто выжил, в один прекрасный момент взбунтовались и разорвали своего мучителя на части. Верно я говорю, пришибленный ублюдок? – Азиз зачем-то ударил Свалочника ногой по ребрам.

– Вот что меня удивляет больше всего: в нашем мире что ни ученый – то злодей, – прогудел Титан. – Что ни профессор – то маньяк. Правда, видимо, что от большого ума одно горе.

– Спасите, – повторил Свалочник своим электронным, трогаящим до глубины души голосом, а потом добавил: – Мне здесь плохо.

– Вот вам любопытный факт напоследок! – Азиз оскалился. – Говорят, что у Апостола перед смертью случилось еще одно интересное завихрение: взбрело ему в голову, что к роботолюдям, которые по его уверению унаследуют мир, явится кибернетический мессия. Типа, спасителя или великого пророка, вникаете? Перед гибелью Апостол и его подопытные участвовали во всяких мерзких всем богам ритуалах, якобы приближая появление мессии... Я вот

думаю, что тот несчастный, который не выдержал первым и свернул шею своему мучителю, и стал настоящим мессией для остальных роботолюдей.

– Как поучительно, – сказал Титан, глядя на практически распятого Свалочника.

Перестала сверкать электросварка. Лан услышал тяжелый удар об бетонный пол, а потом – частое клацанье, будто некто обладающий многочисленными когтистыми лапами побежал вдоль стены, прячась за кузовами авто. Он оглянулся: в конце ангара стоял почти новенький, окруженный облаками сварочного чада, БТР. Эта модель Лану была незнакома, он решил, что видит один из выпущенных перед самым началом Последней Войны боевых транспортов. Приземистый корпус, хищные, но элегантные обводы, восемь колес, серый камуфляж – в общем, загляденье, а не машина. Жаль, но в Москве не найти для него сейчас топлива. Как, кстати, и для других машин, которые томились под арочным сводом гаража-лабаза Азиза Турка.

– Спасите, друзья, – Свалочник свел ладони живых рук перед подбородком.

– Не рви душу, шам тебя подери! – рявкнул на пленника маркитантов Лан, ощущая, что ему все труднее и труднее удерживать гранату. – Старик, мы пришли сюда не ради ссоры! – продолжил он чуть мягче, подмечая, что Свалочник действительно очень стар – куда старше, чем Титан. – Сейчас мы все порешаем с твоим хозяином, и он отпустит тебя с нами – подышать воздухом за МКАД. Потерпи, ладно?

– Ладно, – вздохнул Свалочник, а затем поймал кружащую возле лица квазимуху и бросил ее в рот.

– Итак, сколько ты хочешь за услуги Проводника? – спросил Лан Азиза.

– За этого скота, что ли? – Азиз снова наподдал Свалочнику по ребрам. – Давайте так, ребята. Сейчас мы пройдем на хозяйственный двор, там вы выбросите свои гранаты. А потом мы выпьем чаю и все обсудим.

– Лан, у них здесь «серв», – сказал вдруг Титан.

Лан проследил, куда был направлен взгляд киборга, и увидел наполовину высунувшегося из-за кабины «КамАЗа» без колес вспомогательного биоробота.

Азиз рассмеялся, и в этот момент стало очевидным, что он напряжен, как струна.

– Это наш Яша! Не бойтесь его, он глюкнутый. Яша недавно приبلудился, и мы нашли ему применение. Я так понял, что био, которого он обслуживал, убили. Яша помогает нам чинить автомобили.

«Серв» вышел из-за укрытия, встал посреди прохода.

– Хозяин! – прозвучал подобострастный, чуть идиотский голос. – Монтаж шамиритового реактора на БТР выполнен. Работа завершена в одиннадцать часов двадцать три минуты. Журнал задач обновлен.

– Ты, надеюсь, в курсе, что обычно они не разговаривают, – обратился Лан к Азизу, в то время как взгляд его был прикован к «серву». Лан уже видел на его корпусе знакомые глубокие борозды, какие могла оставить только когтистая лапа «Рекса». Неужели это тот самый «серв», которому удалось улизнуть из Замоскворечья с загруженной в мозг копией личности Ящера – свихнувшегося био, руководившего могущественной бандитской группировкой? – Скажи, он сам назвался Яшей? – полюбопытствовал Лан.

– А вот и чай принесли, – улыбнулся Азиз.

Лан обернулся: возле ворот лабаза загремели сапоги. Внутри ворвались полтора десятка вооруженных до зубов маркитантов. И одеты они уже были не в грязные робы и комбезы, а в кольчуги и кожаные доспехи с металлическими вставками. Оказавшись в помещении, бойцы рассредоточились, заняв позиции за автотехникой.

– Я умею управлять «бэхой», – неожиданно высказался Свалочник, но на его реплику, кроме Лана, похоже, никто не обратил внимания.

– Вам стоит послушать меня и избавиться от гранат так, чтоб их осколки никому не попали в глаз, – продолжил Азиз. – Я понял, что вам крайне нужно выбраться за МКАД, но вы

там не окажетесь, если погибнете прямо здесь и сейчас. Хорошая была попытка взять меня на понт, дерзкая. Но пора заканчивать этот цирк. Шагайте с Родионом на хоздвор, там выбросьте железки, а то у вас уже руки устали, я это чувствую.

– Начали? – спросил Свалочник, и снова, похоже, его никто не пожелал услышать, кроме Лана.

– Давай! – кивнул парень.

Свалочник подтянулся на своих зафиксированных цепями кибернетических конечностях, одним резким движением поднялся в полный рост. Протянул живые руки к стоящему спиной Азизу, схватил его за пояс и тут же сел. Азиз оказался на полу перед Свалочником, вокруг его шеи сомкнулись руки пленника, а вокруг бедер – едва прикрытые плотью роботизированные ноги. Из этого захвата Азизу так просто было не вырваться. С тем же успехом можно было попытаться разомкнуть раковину сцапавшего добычу живоглота или избавиться от петель, свитых щупальцами потолочника.

Никто не ожидал такого поворота событий. Даже, кажется, Титан прошляпил начало боя. Лан развернулся, чтоб Азиз и Свалочник оказались позади него, и швырнул гранату в засевавших за машинами маркитантов. В ответ не раздалось ни единого выстрела: воины-торговцы побоялись зацепить обездвиженного Турка.

Граната зазвенела по бетону, подпрыгнула, зацепилась за бампер «Урала» и отлетела маркитантам за спины. Послышался шум повалившихся на пол тел. Маркитанты залегли, но одна долгая секунда перетекла в следующую, потом – в еще в одну, а детонации все не было. Впрочем, она и не могла произойти, так как Лан заранее покопался во взрывателе РГН: руки у него были не танталовые, как у друга-киборга, он не был уверен, что сможет удерживать гранату в течение долгих переговоров с Азизом Турком.

А вот у Титана граната к бою была готова, и отправилась она напрямик туда, где маркитанты залегли гуще всего. РГН рванула знатно, у Лана даже заложило уши. Крики раненных и умирающих он услышал, словно сквозь толстый слой ваты. Титан, не мешкая, открыл огонь из автомата, Лан поддержал его, пальнув из «Кипариса» вглубь белесого облака дыма, прикрывшего позиции неприятеля. Раздалась первые ответные выстрелы: они были робкими, и все уходило «в молоко».

– Как всегда, хочешь по-человечески, а получается... – как именно получается, Титан не договорил, поскольку в следующую секунду он схватился за бампер ближайшего авто – это был микроавтобус «Газель», – и выдвинул его на проход, худо-бедно отгородив себя, Лана, Азиза и Свалочника от маркитантов.

Свалочник тем временем нащупал на поясе Азиза нож и потянул за рукоять. С пристрастием заточенное лезвие уперлось Турку в горло.

– Ключи, – потребовал пленник. Азиз, всхлипывая, вытянул из кармана связку ключей, нашел нужные и отдал Лану; юноша тотчас занялся замками, удерживающими манипуляторы Свалочника. Несколько пуль угодили в ферму, возле которой возился Лан. Что-то очень быстрое промелькнуло перед его лицом, едва не срубив нос и верхнюю челюсть. Снова заговорил АК Титана, киборг отстреливался, укрывшись за «Газелью», предельно короткими очередями.

– Скажи, чтоб не стреляли, – потребовал Свалочник, щекоча Азиза лезвием под ухом.

– Не стреляйте! – выкрикнул сдавленным голосом Турок. – Не стреляйте, ослы!

Выстрелы и в самом деле смолкли. Титан воспользовался паузой, чтобы перезарядиться.

– Бросайте оружие! – прокричали недруги. – Вы все равно отсюда не выйдете!

– Попробуйте рыпнуться, и Турку конец! – прорычал в ответ Титан.

– А если тронете Турка, то вам тем более конец! – парировали с той стороны.

А еще где-то поблизости шнырял «серв», когда автоматы умолкли, стрекот его ходовых ножек и клацающие шаги были слышны особенно ясно.

Лан закончил с замками. Свалочник опустил манипуляторы, оказалось, что эти кибернетические конечности гораздо длиннее обычных рук. Азиз тихонько завыл, ощутив прикосновение стальных пальцев.

– Спасибо, – произнес освобожденный пленник. – Сам бы не справился.

– Ты – наш заложник, – объявил Лан Азизу. – Давай, выводи нас, если хочешь жить.

Азиз ответил ему угрюмым взглядом, потом крикнул:

– Все нормально, парни! Давайте без нервов!

– Азиз, пятерых наших нет!

– Да-да... – пробормотал Турок, ежась в объятьях металлических лап своего бывшего пленника. – Свалочник, сука, ты же у меня землю жрать будешь! – прошипел он, краснея от распирающих чувств.

Лан покрутил головой, пытаясь сообразить, как вырваться из бетонной коробки.

– «Бэха» на ходу, – сообщил Свалочник. Он старался говорить тихо, но Лану все равно казалось, что электронный резонирующий голос человекобота слышно даже, наверное, на противоположной стороне Москвы.

– Хорошо, – кивнул Лан, хотя ему с трудом верилось, что в этих краях можно было найти хоть одну восстановленную и заправленную машину. С другой стороны – как-то же смог пригнать Данила в Кремль танк с полным боекомплектом. В мире всегда есть место чуду и человеческому подвигу, а иногда одно накладывается на другое, и так рождается легенда.

Из-за «КамАЗа» без колес на них набросился «серв». Стебельки его глаз полыхали злобным красным светом. Лан успел выпустить в био несколько пуль, но уже в следующий миг ему пришлось уходить перекатом от плотоядно щелкающей клешни манипулятора. Броневые сегменты, образующие «морду» био, раскрылись, из корпуса выдвинулась «болгарка». Завизжала пила, био метнулся вперед... и стремительно вращающийся диск рассек Турка от паха до грудины. «Болгарка» замолчала, и все услышали тяжелый, влажный шлепок: это вывалились на пол внутренности маркитанта. Все опешили: Лан, Титан, Свалочник... Все недоуменно открыли рты и заморгали. Больше всех удивился Азиз, он поглядел на страшную рану, затем перевел стекленеющий взгляд на «серва» и процедил из последних сил:

– Яша, зачем?..

– Азиз мертв! – объявил «серв», выведя динамики на полную громкость. – Стреляйте!

Несколько мгновений длилась тишина. Лан повесил на грудь бесполезный против «серва» пистолет-пулемет, стащил с плеча «Ремингтон». Взгляд отстраненно зафиксировал, что Свалочник, опираясь по-обезьяньи на пальцы кибернетических рук, бежит к БТРу.

Затем громкие звуки грянули одновременно и со всех сторон. Маркитанты разразились бранью и криками. «Серв» снова включил «болгарку» и прытко посеменил на Титана. Киборг ругнулся и встретил надвигающегося био парой одиночных выстрелов, которые, как и предполагалось, не причинили крабопауку видимого вреда. «Серв» взмахнул манипулятором, Титан ударом ноги отвел его клешню вбок. И сейчас же изменился визг «болгарки», говоря о том, что диск что-то пилит. Щедро плеснуло белесой кровью...

Лан выстрелил в «серва» почти в упор.

Бабах! И правый манипулятор био застыл с намертво заклиненным суставом, а самого «серва» отбросило от Титана на несколько шагов. Передернуть скользящее цевье, и снова...

Бабах! Сильно завоняло горелой изоляцией. Ходовые ножки био по правому борту подломились. Передернуть цевье, и...

Бабах! Тяжелая пуля врезала «серву» между глаз и ушла рикошетом в потолок. Оба глазных стебелька часто-часто замерцали, контуженный био раскорячил лапы и повалился на пузо, работающая пила чиркнула, высекая искры, по полу, затем диск лопнул, и его обломки брызнули, точно шрапнель.

Гаркнул двигатель БТРа, и в тот же момент Лан увидел, что из-за перегораживающей проход «Газели» с другой стороны лабаза на них пялятся несколько маркитантов. Пока – пялятся, но с секунды на секунду открывают огонь.

– Лан! – выкрикнул киборг и повалился на спину, в падении стискивая спусковой крючок. АК рывкнул грозно, убедительно.

Лан схватился за рукоять висящего на груди «Кипариса» и выпустил остаток магазина, стреляя веером. По кузову «Газели» застучали пули, зазвенел дождь из осколков стекла. Маркитанты опустили головы.

– Тит, ты как? – Лан снова перехватил «Ремингтон» и жажнул для остратки в сторону неприятеля.

– Чуть яйца не оттяпали! – пожаловался Титан, и Лан увидел, что на внутренней стороне бедра киборга белеет длинный разрез. По штанине обильно струилась, пузырясь, нечеловеческая кровь.

– Приплыли! – Лан кинулся к другу. Было ясно, что дело плохо, в подсознании даже проявилась мыслишка, что на сей раз им не выпутаться, что запас их воинской удачи исчерпался, и пора в Край Вечной Войны, о котором было помянуто все перед началом заварушки. Он попытался оттащить киборга, но тот был адски тяжел, к тому же, ему не очень-то хотелось, чтоб его волокли, как мешок с турьим навозом.

– Салага, ты чего! Офонарел? – Титан отпихнул Лана локтем. Снова высунулись маркитанты, пара очередей хлестнула вдоль и поперек. Пули прочертили на бетонном полу канавки, едва-едва не наградив киборга кучей дырок. Титан выстрелил в ответ. Лан вскинул винтовку, но пальнуть не успел: боль ожгла голову возле уха, по шее хлынула горячая струя. На долю секунды он оглох и ослеп, но палец будто сам дождал спусковой крючок, и маркитант, взявший его на мушку, миг лишился верха черепной коробки.

Чавкнул труп Турка, передавленный чем-то тяжелым. Возле Лана неожиданно возник серо-черный борт БТРа. Мелькнула мысль, что Свалочник мог бы убраться без них – протаранить стоящий на пути микроавтобус, заставить маркитантов отпрыгнуть под стены – и укатить от греха подальше... но нелепое, презираемое всеми существо оказалось верным своему слову.

– Вставай! – закричал Лан, протягивая руку Титану.

– Прикрой! – Лан не услышал, а прочитал эту фразу по губам товарища.

Он прижался спиной к броне и перезарядил винтовку. Из этого положения обзор оказался не очень, непонятно было, что происходит по другую сторону от БТРа, но да шам с ним – счет шел на мгновения. Лан принялся отстреливать последние патроны. В «Газели», за которой, предположительно, прятались маркитанты, одна за одной появлялись дыры размером с кулак, казалось, что кузов машины вот-вот развалится на части.

Титан тем временем поднялся сложным, почти акробатическим движением: его подрезанная нога не работала. Киборг схватился за борт, забросил себя на транспорт – к предусмотрительно открытому верхнему люку, и затем тяжело упал в десантное отделение. Лан ощутил спиной, как вздрогнул БТР, и понял, что пора позаботиться о себе. Он развернулся, использовал переднее колесо транспорта, как ступень, взмыл на броню.

Несколько пуль попробовали БТР на прочность. Прочность была что надо. В ответ из БТРа ударил пулемет: стоящий поперек лабаза микроавтобус в один миг лишился крыши. Титан не стал терять времени даром, а сразу занял место башенного стрелка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.